

Запасной мир

Автор:

Анатолий Дроздов

Запасной мир

Анатолий Федорович Дроздов

Айвен, герой далёкого будущего, приёмный сын императора нового государственного образования Земли, вместо светской жизни выбирает службу в армии, действующей в жаркой Африке. Там он становится жертвой провокации. Искалеченного взрывом, его осуждают за военное преступление, которого он не совершал. Наказание – ссылка в параллельный мир, что чаще всего равносильно смерти. Но Айвен не так прост: он не только выживает, но и активно действует как прогрессор в новом для себя мире, находящемся, по земным меркам, на стадии позднего Средневековья. В результате он становится советником молодой королевы, которой предстоит выдержать схватку за власть. Поэтому врагов у Айвена великое множество, а тут ещё оказывается, что «запасной мир» пытаются колонизировать неведомые силы из его настоящего. Как со всем этим будет разбираться наш герой, вы узнаете из книги.

Анатолий Дроздов

Запасной мир

Глава 1

Пнули меня от души.

К концу экзекуции командующий ею офицер дошел до белого каления – было от чего. Для начала осужденный заявил, что у него понос, и он вот-вот обделается. Смотреть на то, как негодяй осуществляет оный процесс, и тем более – обонять конечный результат действия офицеру совершенно не хотелось, потому злодея отвели в туалет, где он скользнул в кабинку и захлопнул за собой дверь.

Охранники тут же потребовали ее открыть и даже грозно погрохотали в дверь коваными ботинками. Однако в ответ из-за двери донеслись характерные звуки, услышав которые охранники тут же растратили пыл, и у них пропало желание контролировать процесс. Справив нужду, осужденный потребовал оставить ему питомца. Инструкция на этот счет разъяснений не содержала, и офицер – в общем-то, не злой человек – подумав, решил животное пожалеть и приказал отобрать его у осужденного. Это опрометчивое решение вылилось в то, о чем офицер впоследствии пожалел.

Тюремщики, вероятно, никогда не ловили горноста и даже не подозревали, что может натворить это милое и «безобидное» существо. Однажды я видел, как Мирка играет с котом. Тот обладал реакцией куда лучшей, чем у человека, но с горностайкой сделать ничего не мог. Та прыгала ему на спину, вскакивала ему на голову и прежде, чем кот собирался ее стряхнуть, уже оказывалась на земле.

Один из тюремщиков протянул к Мирке руку, намереваясь ухватить ее поперек живота. Она немедленно спрыгнула на пол и понеслась прочь. Следом, грохоча ботинками, устремились охранники. Они скользили, запинаясь и падали друг на друга. При этом они пыхтели, сопели и громко ругались. Мирка скакала по головам поверженных, победно стрекотала и радостно щерила зубки. Ей эта кутерьма ужасно нравилась.

Экзекуция стала превращаться в балаган, и офицер наконец-то это сообразил.

– Отставить! – рявкнул он яростно. – Пусть забирает свою крысу! Вместе сдохнут!

Хозяин свистнул. Мирка метнулась к его ноге и, цепляясь за кожу коготками, взобралась ему на плечо. Заняв привычное место, чирикнула: «Видел, как я их?!» – после чего презрительно стрекотнула.

Охранники, ворча, выстроились у стен, держа оружие наизготовку. Процедура началась, и тут выяснилось, что сломался сканер.

«Осужденный отправляется в Запасной мир без одежды, обуви, имплантов и каких-либо иных предметов и вещей, призванных облегчить ему выживание...» – гласил приговор.

Тусклый, как его жизнь, оператор, прошествовав из кабинки, с минуту копался во внутренностях рамки, после чего заявил:

– Микросхема крякнулась! Надо менять.

– Это долго? – с ненавистью в голосе спросил офицер.

– Поищем на складе, – «обнадежил» оператор. – Сканер старый, но вдруг найдут?

– А если нет? – сквозь зубы поинтересовался офицер.

– Закажем на базе. Привезут через пару дней, – ответил оператор. В его голосе не чувствовалось уверенности в благополучном исходе дела. Как поставляют запчасти для тюремной техники, знали все.

Офицер взбледнул и закусил губу. Об исполнении приговора следовало доложить уже сегодня! Времени не оставалось: Запасной мир выйдет из зоны досягаемости к полудню.

Думал он недолго. Импланта у осужденного нет: его извлекли еще по первому приговору, серия и номер чипа имеются в деле. Офицер подошел, схватил осужденного за голову, оттянул ему складку за ухом – приемник пуст. Прочие предметы? Так после приговора охрана ни на мгновение не выпускала осужденного из виду. Ведь он мог покончить с собой, а это недопустимо. Убивать человека – прерогатива государства. Перед экзекуцией осужденного раздели и обыскали, заглянув в рот и прочие укромные места, в которых он мог спрятать запрещенные к владению предметы, – ничего не было.

«Пошел он на хрен, этот сканер!» – видимо, подумал офицер и гаркнул:

– Включай портал!..

По закону дальше следовало произнести: «Приговор приводится в исполнение!» Однако офицер заменил слова пинком. Мы с Миркой взмыли в воздух и рыбками нырнули в высокую траву. У Мирки это получилось лучше: она приземлилась на лапы. Я пинка не ожидал, поэтому не устоял и пропахал траву животом. Кожу обожгло. Выругавшись, я вскочил и оглянулся. Прозрачный прямоугольник портала таял в прозрачном воздухе. Ну, и катитесь!

Я потер ушибленную задницу и осмотрелся. Вокруг, сколько хватало взгляда, простирался луг, поросший густой травой. Вдалеке чернела гребенка леса. Я набрал воздуха в легкие и выдохнул. Дышалось легко – куда приятнее, чем в атмосфере Рудника. Вокруг витал аромат цветов, ветерок нес пыльцу и лепестки. Возле розовых и голубых местных колокольчиков роились насекомые. Лучи желтой звезды в небе ласкали обнаженные плечи.

– Благодать! – заключил я.

Место изгнания преступнику выбирает компьютер. Здесь как повезет. Могут послать в горы, пустыню или заснеженные равнины. Могут – в более приятные места. Планеты без атмосферы, с раскаленной или ледяной поверхностью не используются. Там осужденный гибнет сразу. Это недопустимо: нужно, чтобы помучился.

– А вот хрен вам! – сказал я и полез пальцами в рот. Нашупав обвитую вокруг зуба карбоновую нитку, размотал ее и потянул. Спустя мгновение рвотный спазм скрутил меня пополам. Я переждал, вдохнул и потянул снова. В этот раз пошло легче. Вслед за ниткой из пищевода выскользнул блестящий предмет. Я поймал его и, обтерев о траву, разглядел. В кабинке на это не было времени. Там я такой же нитью вытащил пакет из бачка унитаза и скоренько запихнул его содержимое в горло. Парни не подвели: я держал в руке мультитул из титана. Два ножа, один из которых с серрейторной заточкой, кусачки-пассатижи, пила, ножницы, напильники, отвертки... Полезная, удобная и в то же время невероятно компактная и легкая вещь.

Присев на утопанную траву, я поочередно открыл и осмотрел каждый из аксессуаров. Не столько чтобы разглядеть, сколько из желания полюбоваться. В этот момент из травы выскользнула запропастившаяся Мирка.

– Кого-нибудь встретила? – спросил я.

Горностайка отрицательно чирикнула и уставилась на мультитул.

– Да! – подтвердил я. – Обули мы их, девочка. Как детей.

Я легонько щелкнул Мирку по носу. Та отскочила и обиженно тявкнула.

– Прости! – повинился я. – Это от полноты чувств. Раскаиваюсь и готов загладить. Веришь?

Мирка подумала и стрекотнула.

– Тогда подвинься! – сказал я. – Не то залью!

Я встал на четвереньки и сунул два пальца в рот. Рвотный спазм скрутил тело, но к результату не привел: трава осталась сухой. От завтрака, положенного приговоренному, я отказался: боялся, что вырвет прямо на экзекуции. Зря: сейчас бы помогло. Пальцы пошли глубже. Меня крутило и выворачивало, изо рта выплескивался желудочный сок с желчью, но я не отступал. Мирка, отскочив, сочувственно тявкала. Наконец, на траве оказались пять шариков, каждый размером с ноготь пальца, и крохотный контейнер из пластика. Из шариков торчали хоботки – иглы, закрытые пластиковыми колпачками. Я взял один и прочел маркировку. CID – самое эффективное в моем мире лекарство и самое дорогое одновременно. Как раздобыли его в Руднике, непонятно. А еще мультитул, вовремя сломавшийся сканер и имплант. «Не переживай, командир! – сказал Родька, сумевший в период следствия попасть ко мне в камеру. – Мы тебя хорошо снарядим...»

Я вытер глаза, затем слюну с подбородка и подцепил ногтем крышечку контейнера. Крохотный чип выпал на ладонь. Я оттянул пальцами складку кожи за ушной раковиной, нащупал устье и воткнул чип в приемник. Он щелкнул, встав на замок, и через мгновение перед глазами побежали строчки выполняемых команд. Мозг опознал имплант и теперь настраивал его параметры. Я подождал, пока процесс завершится, и подобрал шприцы. Мультитул примостился во втором кулаке. Мирка, поняв намерения хозяина, прыжком заскочила мне на плечо. Двинулись!

?

К воде мы выбрались около полудня. Сначала я услышал журчание, затем пахнуло свежестью, и впереди блеснула водная гладь. Сонный ручей плыл между поросших кустарником берегов. Я протиснулся сквозь ветви, встал на колени и осторожно набрал воды в рот. «Вредные примеси отсутствуют», – сообщил имплант. Природная вода оказалась необыкновенно вкусной. Я вволю напился, после чего отмыл испачканные слюной и желчью шприцы с мультитулом. Мирка, утолившая жажду, с интересом наблюдала за мной. Я подмигнул горностайке, сложил свои сокровища на лист лопуха, сел и коснулся сенсоров на протезах. Зашипел воздух, и культы выскочили из гильз. Можно было не снимать – углепластик не боится воды, но протезы – новые, культы к гильзам не обвыклись, а носки у меня отобрали. Козлы! Как будто эти две тряпочки могли спасти мне жизнь. В Руднике протезы у меня были бионические, у них даже пальцы ног двигались, но в Запасном мире аккумуляторы подзарядить негде. Я потребовал их заменить, и суд с этим согласился. Запасную пару мне сделали по прежним меркам, а тогда культы были чуть толще...

Я встал на четвереньки и заполз в ручей. Прохладная вода сомкнулась над головой. Благодать! Забыл, когда купался в последний раз.

Вынырнув, я увидел встревоженную горностайку. Она металась по берегу, взволнованно таявая.

– Плыви ко мне! – предложил я.

Мирка мгновение колебалась, а затем решительно плюхнулась в воду. Погрузившись с головой, она вынырнула и, отфыркиваясь, отчаянно замолотила лапками. Я протянул руку и достал ее из воды. Плавала горностайка плохо: где ей было практиковаться? В Руднике водоемов нет. Встав лапками мне на грудь, Мирка горячо высказалась по поводу охламонов, лезущих в мокрые места, затем отряхнулась и прилегла, закрыв глазки. Я последовал ее примеру. Ручей нам попался мелкий, вода – по колено нормальному человеку. Лежать на песчаном дне было приятно. Некоторое время я блаженствовал. После Рудника Запасной мир казался раем. Чистый воздух, замечательная вода, трава, цветы, желтая звезда, так похожая на земное солнце... Я понимал, что это иллюзия, которая исчезнет при столкновении с обитателями планеты, но думать об этом не хотелось. Накупавшись до посинения, я выполз из ручья, надел протезы и

занялся делом. Содрав кору с веток, сплел сумочку, в которую поместил свои соколовища, предварительно завернув их в лопух. Из коры соорудил лямку, получившую широкий погон. Когти у Мирки острые, и она здорово оцарапала мне плечо. Пусть лучше кору дерет. Горностайка, опробовав «погон», придумку одобрила. Еще я сплел фартучек, закрепив его на чреслах. Неизвестно, как местные относятся к наготe. Возможно, вид гениталий вызовет у них агрессию. Хорошо бы найти штаны, чтобы закрыть протезы. Они анатомические, но в глаза бросаются. Иномирное происхождение видно сразу.

Покончив с нарядом, я двинулся берегом. Ручьи текут в реки, а возле рек живут люди. Или кто у них тут...

Запах я ощутил, прошагав пару километров. Остановившись, втянул ноздрями воздух. Сомнений не осталось, но я решительно двинулся вперед. Что бы меня ни ждало, опасности оно не представляет.

...Тела покрывали луг, сколько хватало взгляда. Битва, судя по всему, произошла недавно. Кожа трупов почернела, но пока не лопнула. Гора тел перегораживала ручей, и я порадовался, что пил выше по течению. Возле жуткой запруды образовалось озерцо. Волосы убитых колыхались в воде, как водоросли. Стараясь дышать ртом, я двинулся дальше, переступая тела и внимательно их разглядывая. Однозначно гуманоидная раса, внешне практически неотличимая от людей. Между собой воют, впрочем, так же, как мы.

Раны свидетельствовали о том, что аборигены убивали друг друга холодным оружием. Попадались, однако, и павшие от огнестрела. Судя по входным и выходным отверстиям, стреляли из крупного калибра. Это я определил, перевернув несколько тел. Неприятное дело, но Рудник отучил от брезгливости... Выходные отверстия от пуль встречались редко: стреляли из гладкоствола. Не удивлюсь, если из ружей с кремневыми или даже фитильными замками. Век шестнадцатый – семнадцатый по земным меркам. Более точное представление могла бы дать одежда, но ее не было: покойников раздели донага. Сделали это победители или пришлые мародеры, без разницы. Надежда добыть штаны исчезла.

Я выругался и продолжил путь. Маршрут менять не стал: нет нужды. Тела стали попадаться реже, вскоре и вовсе исчезли. Я шагнул в кусты, окаймлявшие поле битвы, и вдруг замер: повозка! Со сломанным колесом, покосившаяся набок, она преграждала дорогу. Здесь тоже похозяничали победители. Лошадей увели,

оставив на мятой траве женщину – мертвую, с раскинутыми ногами. Одежды на трупе не было. Не нужно быть следователем, чтобы понять: изнасиловали и убили. Насмотрелись мы подобного... Мародеры унесли все, даже содрали с повозки тент. Если б не сломанное колесо, укатили бы и повозку.

Я обошел находку и даже заглянул между колесами. Грабители могли что-нибудь забыть. Счас! Ничего, кроме вытопанной травы. Я выпрямился и вдруг замер: с повозкой что-то не так! Поколебавшись, я присел и пригляделся. Дно заметно ниже ее пола. Двойное... Когда у повозки был тент, это не бросалось в глаза. Видимо, мародеры спешили...

Доски пола приколотили намертво. Добро в повозке прятали впопыхах или же надолго. Рассмотрев шляпки гвоздей, я покачал головой – без лома не обойтись. Ладно, пойдем другим путем. Ссадив Мирку на землю, я достал мультитул и отщелкнул пилку. Она легко вгрызлась в доски. Перепилив парочку, я отодрал их сверху. Остальные трогать не стал: повозка узкая, а руки у меня длинные. Спустя мгновения я стал обладателем сокровища. Женское платье из шерстяной ткани лилового цвета, две рубашки из беленого полотна, одна из которых – с кружевами по шейному вырезу. Две пары шелковых чулок – одна голубого, другая красного цвета. Еще в тайнике нашлась сумка из прочной кожи, а в ней – разнообразные ленты, узкие и широкие, с узором и полосатые. Всю жизнь мечтал! А вот иголкам с нитками я искренне порадовался – то, что нужно. Самой ценной находкой оказались сапоги – короткие, чуть выше щиколотки. Гладкая подошва без каблука, широкие голенища. На протезы сапоги встали, как влитые. Может, чуть и жали, но углепластик не возражал...

Денег в сумке не оказалось совсем. Плохо. Вид монет может о многом сказать. Эпоха, состояние экономики, уровень технического развития, вид правления... Сетовать, однако, не приходилось: и без того повезло. Отпилив кусок доски, я соорудил из него лопату и выкопал рядом с повозкой яму. Перетащил в нее убитую и забросал землей. Мелкая благодарность, но хоть что-то. Кем была эта женщина? Почему оказалась у места сражения? «Маркитантка», – всплыло в мозгу. Имплант, получив запрос, покопался в базе и подобрал ответ.

Забрав добычу и Мирку, я вернулся к ручью. Пошел обратно вверх по течению, пока не исчез запах. Найдя подходящее место, устроил привал. Я испачкался, кожу пропитал трупный запах, поэтому первым делом пришлось снова выкупаться. Мирка в этот раз наблюдала за мной с берега, в воду не полезла. Покончив с мытьем, я занялся делом. Отрезал у рубахи подол и подрубил край.

Получилось в самый раз: идти не мешает и срам прикрыт. Обрезок полотна отложил про запас – не помешает. Натягивать чулки и подвязывать их ленточками я не стал. Протезы спрячешь, но вид будет специфический – в таком только в гей-клуб. Вторым делом я соорудил себе из обрезков носки. Накинув рубашку, я надел протезы, встал и повернулся к горностайке.

– Как?

Мирка фыркнула.

– Зато не голый, – наставительно произнес я и снова сел. Разрезав платье по талии, выкроил из юбки штаны. Варианты подсказал имплант, я выбрал самый простой. Швы по наружной стороне, словно у американских индейцев, только без бахромы. И работать иглой вдвое меньше, и между бедер не натирает. Вместо пояса приспособил ленточку, вместо гульфика – клапан на тесемочках. Простенько и со вкусом. Штаны вышли мешковатыми, зато не терли и не давили. Напуск на голенища сапог скрывал протезы. Мирка одобрительно стрекотнула.

– То-то! – заявил я. – Мастерство не пропьешь.

С курткой я попотел. Проблемой стали вытачки на груди. На рубашках их не было, а вот на платье – да. Его шили по мерке. Как быть? Оставить, как есть? Тогда натягивай поверх штанов чулки и подвязывай их ленточками. Если косишь под гея, то будь последователен. Подумав, я убрал вытачки, соорудив на их месте карманы. А че, удобно. Рукава я трогать не стал. Их втачали с защипами – ну и пусть. Может, мужики здесь так ходят. Сложив оставшееся тряпье в сумку, я позвал Мирку. Та шмыгнула внутрь, повозилась, устраиваясь, и одобрительно чирикнула.

– Вот и сиди! – сказал я, перебрасывая сумку через плечо.

Желтая звезда сползала к горизонту. Я вырезал палку и зашагал к лесу. Пора подумать о ночлеге. Оставаться у побоища нельзя: набегут падальщики – погрызенные трупы я уже видел, – кого-то потянет и на свежатинку. Обутые протезы не скользили по траве, шел я быстро. Хорошее место нашлось скоро. По краю поляны шла балка, там бил ключ, а под деревьями рос мох – мягкий и упругий. То, что нужно. Подняв клапан сумки, я выпустил горностайку.

– Осмотрись!

Мирка твякнула и скрылась в лесу. Я втянул воздух. Пахло хвоей и разогретой смолой. Имплант определил лес как кедровый и обрадовал насчет полезности воздуха для здоровья. Рай! Жаль, что это не могут оценить лежащие в поле...

У ручья я прихватил нужный камешек. Удар напильником выбил из него сноп искр. Сухой мох задымил, пламя скользнуло на тонкие, хрупкие веточки. Спустя пару минут костер пылал. Я сходил к ключу и напился. Холодная вода не приглушила голод – есть хотелось неимоверно. Сейчас бы и белковый концентрат сгодился. В Руднике мы видеть его не могли. Только где в Запасном мире взять концентрат? Автоматов по его выдаче не наблюдается.

Из-за ствола выскользнула Мирка и затанцевала, взволнованно чирикавая.

– Веди! – насторожился я.

В лесу стоял сумрак, но беленькая шкурка Мирки служила хорошим ориентиром. Королевские горностаи не линяют – им это без нужды. Специально так сделали. Сразу видно: из благородной линии.

Идти было недалеко. Вскоре Мирка остановилась, и я разглядел во мху серый ком. Тушка зверька, еще теплая. Я поднял ее за уши и пригляделся. Обыкновенный заяц, даже упитанный. Мирка убила добычу, прокусив череп у затылка – ее коронный прием. А вот притащить зайца не смогла – тяжелый.

– Молодчина! – похвалил я подружку.

Мирка стрекотнула и взобралась мне на плечо. У костра я освежевал зайца и протянул Мирке печень. Она вырвала ее из моих пальцев и, урча, стала поедать. В штольне Мирка убивала крыс, и я всегда давал ей печень. Остальное съедал сам... Тушка повисла на вертеле, выструганном из ветки. Зашипел капающий на угли жир, в воздухе одуряюще запахло. Я не стал ждать, пока заяц изжарится. Придерживая ломти палочкой, срезал верхний, румяный слой и, дуя на горячее мясо, обжигаясь, жевал. Парное, с соком оно было невероятно вкусным. Я не заметил, как от зайца остались лишь кости. Обтерев жирные руки о мох, я сходил к ключу и утолил жажду. Воротившись, растянулся на мягком мху, подложив под голову сумку. Протезы снимать не стал – не у себя дома. Хрен

знает, кто из леса выползет. Мирка прыгнула мне на грудь, выгнула спину дугой и, задрав хвост, заскакала на прямых ногах. При этом она угрожающе чирикала. Генная модификация дала горностайке интеллект трехлетнего ребенка вкупе с его же игривостью. Вот ведь непоседа! Я сдался и закрыл лицо руками.

– Боюсь! Боюсь!

Мирка вскочила мне на голову, потопталась по ней и победно застрекотала. Я раздвинул пальцы и глянул одним глазом. Горностайка чирикнула: дескать, можно. Я убрал руки. Мирка соскочила мне на грудь и зевнула.

– Сразу бы так! – сказал я, закрывая глаза.

Глава 2

Разбудила меня Мирка. Куснула за мочку уха, затем ее же лизнула. Горностайка словно извинялась: «Извини, но нужно». Я открыл глаза и сел. Имплант, проанализировав уровень освещенности, включил ночное зрение. Мрак поредел, но не рассеялся целиком: дешевый чип. А где в Руднике взять дорогой? Спасибо, что хоть такой раздобыли. Присмотревшись, я разглядел: вокруг никого. С чего Мирка всполошилась?

И тут я услышал голоса. Они звучали в отдалении, слов было не разобрать – только «бу-бу-бу». Затем донесся и пощекотал ноздри запах: непрошенные гости что-то жарили. Я взял сумку и открыл клапан:

– Сюда!

Мирка недовольно чирикнула, но юркнула внутрь. Не нужно обижаться, девочка: твоя шкурка в темноте, как фонарик! Я повесил сумку на плечо и осторожно двинулся на голоса. Мох глушил шаги, а ночное зрение помогало разглядеть сухие сучья под ногами. Осторожно переступая их, я шел на голоса. Вскоре между стволами мелькнули проблески пламени. Я подошел ближе и схоронился за стволом.

Возле костра, горевшего посреди поляны, сидели пятеро мужчин. Пользуясь тем, что меня не заметили, я внимательно их рассмотрел. Незнакомцы были одеты в странные куртки с трапециевидными белыми клапанами на груди. В свете пламени по краям клапанов отчетливо виднелись желтые металлические пуговицы. Костер горел ярко, и я разглядел, что куртки на незнакомцах синего цвета – так же, как и штаны, заправленные в высокие коричневые сапоги. На головах – широкополые шляпы, из-под них свисали на спины косицы. «Предположительно военная форма, земной аналог периода XVIII-XIX веков», – подсказал анализатор. То, что он прав, подтверждали плавно изогнутые рукояти пистолетов, торчавших за поясами троих мужчин. У всех имелись шпаги. В данный момент солдаты держали их в руках, сосредоточенно наблюдая за шипевшими на клинках кусками мяса.

Я пошарил взглядом по поляне. Неподалеку обнаружилась туша животного – то ли кабана, то ли иного похожего на него зверя. Мирка, привлеченная запахом, высунула мордочку из-под клапана.

– Прогуляйся! – разрешил я, открывая сумку. Опасаться не приходилось. Ну, заметят они Мирку – и что с того? Погонятся? Так на кой ляд она им сдалась?

Горностайка, скользя на мох, побежала к замеченной мной туше. Учужала. Неужели не наелась? Я не стал ей мешать, присел у дерева и прислушался. Солдаты, жаря мясо, переговаривались. Имплант впитывал слова, заносил их в память и анализируя. Это продолжалось минут десять. После чего солдаты умолкли и набросились на еду. Я послал мысленный запрос импланту. «Недостаточно материала для анализа, – выдал тот. – Речь похожа на языки романской группы, но отличается от них произношением. Дифтонги имеют иную артикуляцию...» Все ясно: школьный «лингви»! Теперь будет бухтеть, как занудный учитель в классе.

«Забудь про дифтонги! – велел я. – Перевод давай!» Имплант, словно обиравшись, умолк. Дешевка! В следующий миг я почувствовал укол стыда. С чего разъярился? Где парням взять армейский «мульти», раскалывающий язык после первых фраз? Спасибо, что хоть «лингви» поставили. Тварь я неблагодарная! Куда спешить? Я что, провожу экстренную разведку в тылу врага?

Солдаты прожевали мясо, насадили на шпаги новые порции и вновь заговорили. Имплант, ожив, принялся переводить. Спустя короткое время картина

прояснилась. Передо мной сидели уцелевшие в сражении вояки. Этим повезло: успели удрать. Беглецы ругали какого-то Морти – как я понял, их предводителя или вождя, который оказался никудышным военачальником, – и спорили, как быть дальше. Скитаться по лесу им надоело. Дичь тут есть, молодой подсвинок сегодня сам на них выбежал, и они его сходу застрелили, но рано или поздно их найдут. Пустят по следу егерей... Если поймают, то повесят – они враги. Поэтому следует пробираться в Глен, но прежде – раздобыть гражданскую одежду и деньги. Солдаты спорили, где их взять: напасть на селение или ограбить проезжающую карету? У каждой идеи были сторонники, и они ее горячо отстаивали.

Я зевнул, машинально прикрыв рот ладонью. Не интересно. Завертел головой, разыскивая горностайку, как вдруг заметил ковыляющее ко мне существо. Я присмотрелся и рванул к нему.

Мирка выглядела, словно удав, заглотивший слона. Только этот удав был совсем маленький и с шерсткой, испачканной кровью. Я с замиранием сердца схватил подружку и торопливо ощупал. Ран на горностайке не было. Она вообще выглядела жутко довольной и даже попыталась меня лизнуть. «Обожралась!» – догадался я. Для Мирки парная печень – то же, что для алкоголика – выпивка. Ради нее она заложила бы душу дьяволу; конечно, если бы дьявол интересовался душами горностаев. Я поступил опрометчиво, пустив ее погулять. Видимо, солдаты Морти кабанчика не потрошили, а просто срезали с боков куски мяса. Горностайка, обнаружив это, прогрызла добыче брюхо, после чего забралась внутрь. Там устроила пир, заодно вывозившись в крови.

– Не стыдно? – шепотом спросил я.

Мирка лениво чирикнула: дескать, с чего это? Девочка всего лишь перекусила.

Я вернулся к стоянке, где положил обжору на мох. После чего, достав кусок ткани, сходил к ключу. Намочив тряпку, вернулся и стал оттирать ею Мирку от крови. Можно было не беспокоиться – поутру сама оближется, но горностайка полезет ко мне спать. Перепачкает рубашку, а кровь – не лучшая рекомендация. Объясняй потом, что она кабанья.

Мирка вынесла умывание стоически, даже, как мне показалось, с удовольствием. Достигнув результата, я отбросил тряпку и завалился на мох. Мирка обиженно

засопела: почему без нее? Но я не стал ей потакать. Нечего столько жрать! Горностайка попыталась взобраться на меня. Свалившись на мох, она жалобно зачирикала. Я не удержался и подцепил ее ладонью. Оказавшись на груди, Мирка стрекотнула: «Сразу бы так!» – и закрыла глазки. Я последовал ее примеру. Солдат разбитой армии я не опасался: им не до нас.

Проснулся я от крика птиц. Они орали в кронах, приветствуя утро и радуясь жизни. Я снял Мирку с груди и положил ее на мох: горностайка даже не проснулась. Сходя к ручью, умылся, после чего отправился ко вчерашней компании. Солдат на месте не оказалось – ушли. Вот и ладненько! Я навестил тушу подсвинка. Ее подпортило зверье, но целиком не растащило – видимо, опасалось людей. Я перевернул подсвинка и вырезал с нетронутой стороны шмат мяса. Вернувшись, соорудил костер и поджарил свинину на углях. Мирка, проснувшись, с интересом за этим наблюдала.

– Тебе не дам! – предупредил я.

Горностайка чирикнула: мол, не больно-то хотелось, и полезла ко мне на колени. Пока я ел, она лежала, свернувшись клубком. Раздувшийся живот у нее исчез, но выглядела горностайка сонной. Не удивительно: столько съесть! Тем временем рассвело. Покончив с завтраком, я сунул Мирку в сумку и выбрал из леса. Двигаясь опушкой, обнаружил следы. Темная дорожка пересекала луг, выделяясь на росной траве. Я двинулся по проложенному маршруту. Вчерашние солдаты шли к людям – нам по пути.

Через километр – другой луг кончился, я выбрался на дорогу. Выглядела она наезженной. Какое-то время колебался: а вдруг патруль? Неподалеку кипело сражение, искать разбежавшихся солдат противника – обычное дело победителей. Есть вероятность, что меня примут за солдата Морти. Тогда – виселица. Но и в лесу сидеть глупо. Рано или поздно следует выбираться к людям. Лучше всего – к мирным жителям. Внешне я соответствую аборигенам – это подтвердил имплант, язык освоил. Объясниться смогу, легенду придумаю. Если не прокатит, дам деру. На протезах из модернизированного углепластика и при своих коленных суставах убежать можно даже от лошади. Проводились на Земле такие соревнования, и там спортсмен-инвалид на короткой прямой обогнал рысака. Протезы, правда, у него были созданы специально для бега, но и мои в порядке. Не догонят...

Приняв решение, я двинулся дорогой, насвистывая марш. Шагалось легко. Пыльная дорога стелилась под сапоги, в придорожных кустах верещали птицы, пару раз путь пересекли зайцы, следом за одним из них порскнула лиса. Живности в Запасном мире хватало, а вот люди не попадались. Это вызывало удивление: дорога не выглядела заброшенной. Тем не менее, отшагав пару часов, я никого не встретил.

Желтая звезда забралась в зенит и начала припекать. В суконной куртке было жарко, я взмок. Захотелось пить. Завтрак был плотным, а воды я с собой не взял – некуда. Я закрутил головой, разыскивая ручеек или источник. Они не попадались. Но, видимо, наверху услышали мои молитвы – за поворотом возник колодец. Сложенный из камня, он имел журавель и деревянное ведро на веревке. Я склонился, различил внизу водное зеркало и принялся. В войну бросить в колодец труп – первое дело. Себе – удовольствие, врагу – отравы.

Из колодца тянуло сыростью – и только. Я спустил ведро вниз и вытянул воды. Понюхал и попробовал – вредных веществ нет. Утолив жажду, я напоил Мирку, после чего сел на край корыта, служившего водопоем, и снял протезы – вместе с сапогами. Натруженные культы отозвались блаженством. Я обдал их из ведра и оставил обсыхать. Благодарь! Благословен тот, кто устроил этот колодец и содержит его в порядке!

Как ни приятен был отдых, но следовало идти. Я сунул культы в гильзы протезов и двинулся дальше. Местность постепенно менялась. Равнина кончилась, теперь дорога то и дело взбиралась на холмы и ныряла в низины. По обеим ее сторонам тянулись пустоши, поросшие вереском. Там и сям купами темнели кусты. В некоторых местах они подступали к дороге, образуя укрытие для засады. Я насторожился и стал внимательно вглядываться. Поэтому упустил момент, когда за спиной послышался конский топот.

Я оглянулся. Меня догоняла карета: большая, черная, запряженная четверкой лошадей. Бежать было поздно: вокруг пустошь. К тому же бегущий человек подозрителен. Я свернул к обочине и побрел дальше: дескать, мирный путник, идущий своей дорогой. За спиной послышалось фырканье, первая пара запряжки пробежала мимо, показались головы второй, и в этот миг в воздухе свистнуло. Острая боль обожгла мне спину. Я вскрикнул и обернулся.

Кучер на козлах грозил мне кнутом и что-то кричал. Карета пронеслась мимо, и я увидел на запятках мужчин. Один из них выхватил пистолет и прицелился.

Я упал на колени. Оглушительно ударил выстрел. Пуля свистнула над головой и ушла в поля. Я поднял голову. В низине стояло облако дыма, карета взбиралась на склон, а с запяток в меня целился второй мужик. Я плюхнулся на живот. Мелькнула вспышка, и пуля шмякнула в стороне, вырвав из земли клочок травы. Вот ведь сволочи! Чем я им мешал? Что теперь? Встанут и бросятся добивать? Бежать?

Карета не остановилась. Взобравшись на холм, она перевалила за гребень и исчезла. В следующий миг там загрохотали выстрелы и послышались крики. Я прислушался. Наверху шел бой. Мои обидчики попали в засаду, и сейчас их убивали. Мгновение я колебался. Это не моя война. С другой стороны, победители могут заинтересоваться свидетелем. Мной...

Приняв решение, я побежал вверх, на ходу открывая клапан сумки. Отдохнувшая Мирка взлетела по рукаву на плечо. Оказавшись наверху, застыла, сгруппировавшись. Чувствует адреналин. Умница!

Влетев на холм, я остановился. Бой догорал. Карета застыла поперек дороги. Видимо, кучер хотел ее развернуть, но не успел. Теперь он безжизненно свисал с козел головой вниз. Мужики с запяток валялись неподалеку, и даже беглого взгляда хватило, чтобы понять: покойники. Рядом стыл труп в синей форме. Двое «синих», обступив мужика в парике, тыкали в него шпагами. Тот отбивался, но было видно: сдает. В стороне еще двое «синих» раскладывали на обочине женщину. Один прижимал ее к земле, второй, бросив шпагу, задирает юбки. Жертва извивалась и брыкалась, но насильник не обращал на это внимания. Покончив с юбками, он спустил свои штаны.

Я выбрал насильников. Не из благородного порыва, отнюдь. Из оружия у меня имелся нож, к тому же маленький – против шпаг он не плясал. А вот насильники были уязвимы. Один стоял со спущенными штанами – не навоюешь, второй, забыв про оружие, держал женщину. Подбежав ближе, я протянул руку в сторону второго.

– Враг!

В природе горностаи прыгает на полметра. Но это – дикий. Над предками Мирки поработали генетики. Королевские горностаи крупнее, и ноги у них сильные. Мирка сделала гигантский прыжок, затем – второй, точно оказавшись на спине

«синего». Тот, ощутив тяжесть, попытался горностаюку смахнуть. С таким же успехом он мог отвести пулю. Мирка скакнула ему на плечо и впиалась в шею. Солдат завопил.

Насильник без штанов растерялся. Вместо того, чтоб подобрать шпагу, он решил подтянуть штаны. Зря... Подскочив, я сдавил ему горло сгибом локтя. «Синий» захрипел. В следующий миг лезвие с серрейторной заточкой вошло ему в правый бок и заскрипело, вспарывая плоть. Спустя мгновение я выхватил нож и отпустил покойника.

Тот попытался зажать рану ладонью. Бесполезно: с разваленной печенью не выживают. Лезвие мультитула длиной всего с палец, но для человека этого достаточно. Насильник качнулся и рухнул на колени. Я вытер лезвие о его мундир и спрятал мультитул. Подобрал шпагу и осмотрелся. «Клиент» Мирки доходил. Лежа на спине, он сучил ногами, вырывая каблуками вереск. Из раны на шее струей била кровь. Мирку учили перекусывать артерии, и она знает, где они находятся у человека. Распаленная боем, горностаюка теперь плясала на теле врага, шипя и выгибая спину.

– Брось его! Ко мне!

Мирка нехотя перепрыгнула на затихшую женщину, затем – на землю и взобралась мне на плечо. Следя за ней взглядом, я увидел ножки в красных чулках, подвязанные выше колена белыми ленточками, треугольник рыжих волос на лобке и белый, нежный живот. Ножки были худенькими, бедра – неширокими. Это не женщина, а девочка. Вовремя мы... Я повернулся и побежал к карете.

Там разыгрывался последний акт. Мужик в парике более не сражался. Его шпага валялась на земле, а сам он стоял, безжизненно опустив руки. «Синие», выставив перед собой клинки, что-то говорили. По их виду было понятно: насмеваются. «Тибя зарэжэм, бабу твою оприходуем, а патом и ее зарэжэм...»

Я перехватил шпагу за граненый клинок и метнул ее, как дротик. Прошелестев в воздухе, она с хрустом вошла в спину ближнего «синего». Разбойник покачнулся и рухнул навзничь. Рукоять шпаги уперлась в землю, и клинок, пробив тело, выскочил наружу, грозя небу окровавленным кончиком.

Второй разбойник отпрянул в сторону и обернулся, выставив перед собой шпагу. Он не слышал, как я сказал: «Враг!» – и не видел моего жеста. На белый комок, стелившийся по земле, он и вовсе не обратил внимания.

Это стоило ему жизни. Мирка прыгнула на бедро «синего» и, как могло показаться, на короткий миг приникла к нему. Этого, однако, хватило. У горноста 34 зуба, и они острые, словно бритвы. Вгрызаясь в плоть, разваливают ее, как мясницкий нож. Разбойник вскрикнул и перевел взгляд на ногу. Из бедра бил кровавый фонтан. «Синий» выронил шпагу и попытался зажать рану ладонями. Кровь пробилась сквозь пальцы и оросила землю. Раненого можно было спасти, наложив жгут, но я не собирался этим заниматься. Ему же лучше. Сдохнет от потери крови, а не на виселице.

Я двинулся к карете. Человек в парике уже не стоял, а сидел на ступеньке, привалившись спиной к дверце. Левой рукой он зажимал рану на груди. На голубой ткани камзола расплывалось темное пятно. Серое лицо, частое дыхание... Минута – другая, и «уплывет».

Дальнейшее произошло автоматически. Я выхватил из кармана шприц-тюбик, сорвал с иголки колпачок и воткнул ее раненому в шею. Пальцы выдавили лекарство, и только затем до меня дошло: шприцов у меня всего пять! Вернее, уже четыре...

Менять что-либо было поздно. Я сунул использованный тюбик в карман и бесцеремонно стащил с несчастного тяжелый, расшитый золотыми позументами камзол. Он не возражал, вяло подчиняясь моим рукам. Отбросив камзол, я пригляделся. Багровое пятно на белой, украшенной кружевами рубашке ползло к животу. Из отверстия повыше соска толчками выбивалась кровь. Поврежден крупный сосуд. Хорошо, если не задето легкое.

Я вытащил из сумки кусок полотна, оставшегося после выкройки, свернул его и приложил к ране.

– Прижмите!

Он повиновался.

– Отец!..

Из-за кареты выскочила недавняя жертва насильников, понеслась к нам.

– Стоять! – рявкнул я.

Этой только не хватало! Начнет причитать и дергать раненого, а тут каждый миг дорог.

«Жертва» притормозила и гневно глянула на меня. Я разглядел юное личико, густо усеянное конопушками, курносый носик и серого цвета глаза под огненно-рыжими бровями. Такого же цвета были косы, уложенные на голове. Да уж, «Огонек»! Прикурить можно...

Не обращая внимания на ее злобный взгляд, я вытащил из сумки вторую рубашу, резким движением оборвал и бросил на землю кружева. В глазах «Огонька» гнев сменился изумлением.

– Держи!

Она колебалась, но послушно ухватила ворот. Я натянул рубашку за подол и острым лезвием мультитула стал пластать ее на полосы. Готовые сбрасывал себе на плечо. Девчонка, сообразив, ловко перехватывала пальчиками ткань. Спустя считанные секунды рубашка превратилась в бинт. Я связал концы полос и, подойдя к раненому, стал накладывать давящую повязку, не забывая забрасывать витки ему на плечо – иначе сползет. Длинные концы парика мешали мне бинтовать. Я стащил это воронье гнездо и сунул его девчонке. Та ахнула, но послушно взяла. Под париком обнаружилась потная лысина в обрамлении коротко остриженных седых волос.

Закончив перевязку, я отступил и критически оглядел свою работу. Коряво, конечно, но какое-то время продержится.

– Ты кто? – внезапно спросил старик.

Выглядел он довольно бодро: лекарство подействовало.

– Чужеземец, – выдал легенду я.

– Как ты здесь оказался?

– Шел.

Старик глянул пристально, всем своим видом показывая, что ответ его не удовлетворил. Блин! Он еще допрашивать будет!

– Никому не мешал! – с раздражением добавил я. – Но сначала меня огрели кнутом, а после пытались застрелить.

– Слуги приняли тебя за мятежника. Болваны! – скривился старик. – Окажись пистолеты заряженными, мы бы отбились.

Я хмыкнул. Судя по тому, как быстро «синие» расправились с кучером и охранниками, воевать они умели. Это были солдаты разгромленной армии – те, кого я видел в лесу. С путешественниками они в любом случае справились бы. Старик, видимо, догадался о моих мыслях и нахмурился.

– Почему ты помог нам? – спросил сердито. – Ведь мы тебя обидели?

Я пожал плечами: у меня не было ответа на этот вопрос.

– Ты странно выглядишь, – продолжил старик. – На тебе одежда, перешитая из женского платья. Мужчины Алитании не носят лилового. Да и по крою видно.

Соколиный глаз, мать его!

– Видите ли...

Я сделал паузу. Старик понял.

– В Алитании к благородным людям обращаются «черр». Ко всем – от простого сквайра до короля. Я – черр Оливер, съёрд этих земель. Она, – он кивнул на рыженькую, – черра Элизабет.

Вообще-то съёрд сказал: «Элтисисьютибет», но я мысленно переименовал имя в привычное. Я эти «сю» не выговарю.

– Айвен, – представился я. – Меня ограбили разбойники, черр. Забрали лошадь, деньги и даже одежду. Я остался совсем голым. Пришлось использовать женское платье.

– Ты украл его?

Нет, мне это нравится! Сейчас свалится в обморок – CID не действует долго, – а его интересует платье.

– Нет, черр. Его владелица была мертва.

– Ты снял платье с мертвого тела?

Он что, прокурор? С трудом сдерживая раздражение, я в двух словах рассказал о том, как мне достались эти сокровища.

– Похоже на правду, – заключил старик. – Мы с Бетти были на месте сражения. Собственно, за этим и ездили. Хотел посмотреть, как выполняется мой приказ о погребении тел. Мы не ожидали встретить солдат Морти – после битвы прошло три дня. Я совершил ошибку, которая едва не стоила нам жизни, – он помолчал. – Вот что, Айвен! Ты не из Глена – выговор у тебя другой, поэтому я склонен тебе верить. Что собираешься делать?

– Идти дальше.

– Через три мили Иорвик. В этой одежде стража примет тебя за мятежника и отправит в тюрьму. У меня другое предложение. Я лишился кучера и охраны. Бетти не справится с лошадьми: ее не учили править каретой. Я ранен. Отвези нас в город. Со мной тебя не посмеют тронуть. В Иорвике можешь идти, куда хочешь. Возьми одежду кого-нибудь из мертвых слуг, – он поморщился. – Стража все равно ее сдерет, свалив на разбойников. Согласен?

– Да, черр! – поклонился я.

Разговор вымотал старика. Он побледнел и закрыл глаза. Я подхватил его на руки и погрузил в карету. Подобрал и забросил туда же камзол. Рыженькая, скользя следом, хлопотала над раненым. Я рассмотрел трупы, нашел подходящий, стащил с него куртку и штаны и переоделся. Рукава куртки оказались коротковатыми: народ здесь, как я заметил, живет мелкий. Карманов в куртке не имелось и в штанах – тоже. Что в этом времени в них носить? Свои сокровища, извлеченные из карманов прежней куртки, переложил в сумку. Сапоги позаимствовал у одного из «синих»: во-первых, они выглядели совсем новыми, во-вторых, были пошиты на манер ботфорт: можно подтянуть голенища до середины бедра. В определенных ситуациях пригодится. Одежда пованивала, но я не стал брезговать – постираем. Еще я обзавелся поясом и второй сумкой, куда сложил трофеи: пистолеты, кошельки, пороховницы и пули. Пару пистолетов сунул за пояс – лишними не будут. Заряжать не стал – следовало разобраться, как. Нашел и прицепил к поясу кинжал в кожаных ножнах. Выглядел он непритязательно: черное лезвие несло следы кузнечного молота. Зато имело подходящую длину и острую заточку. Шпаги я побросал на запятки. Фехтовать я не умею – зачем, спрашивается, они нужны?

На все это ушли считанные минуты. Водрузив на голову шляпу – здесь, похоже, не ходили с непокрытыми головами, – я свистнул Мирку и взобрался на козлы. Перед этим стащил убитого кучера на землю. Можно было отвезти в город – места на козлах хватало, но я не стал: а вот нефиг мирных путников кнутом хлестать! Потянув за вожжу, я громко чмокнул. Лошадки развернули карету и побежали по дороге. Дорогой я думал над произошедшим. Разговор со съёдом мне не понравился. Ему жизнь спасли – как жалко использованного шприца! – а он выкобенивается. Хоть бы спасибо сказал! Рыжая дочка туда же: глазищами сверкает. Не случись нас с Миркой, пустили бы ее по кругу, а после зарезали. От таких «благородных» лучше держаться подальше...

Я привязал вожжи к козлам – лошади и без того знали дорогу – и полез в сумку с трофеями. Первым делом вытряхнул кошельки. Три серебряные монеты и два десятка медяков. Не густо. Я разглядел монеты. Они были разными. На всех имелся профиль властителя и легенда[1 - Легенда – совокупность всех надписей на монете.]. Властителей оказалось три. Одутловатый мужик с увесистым шнобелем, еще один – помоложе, с приятным обликом, и третий – совсем мальчик. Чеканка чистая, однородная, буквы и цифры читаются легко. Вручную так не сделать – значит, прессы и штампы здесь качественные. И пистолеты, как я заметил, не выглядели кустарными: явно серийный выпуск. Замки кремневые. Следующий этап – пистоны, а затем – унитарный патрон. Конец восемнадцатого, начало девятнадцатого века, по земным меркам.

Вчитавшись в легенды, я понял, что одутловатый мужик и мальчик – местные, из Алитании, и, скорее всего, отец и сын. Старый властитель умер – об этом говорила потертость монет с его профилем, молодой взошел на трон. А вот приятный на фейс мужик наверняка из Глена, куда собирались убитые мной солдаты, и откуда, понимай так, они и прибыли. Я разделил монеты по принадлежности и ссыпал их в два разных кошелька, выбросив пустые. Теперь, главное, не перепутать, где какие. Может случиться, что за монету Глена окажешься в тюрьме. Здесь отгремело сражение, к солдатам страны-агрессора, как я понял, присоединились местные мятежники, так что общество в Алитании переживает раздрай. Идет охота на ведьм, и человек с монетой враждебной страны, как никто другой, годится в шпионы.

Лошади вынесли карету на холм, и я увидел стены и башни. Иорвик, как следовало понимать. Привстав, я всмотрелся. Не Средневековье, конечно, но не так уж далеко от него. Стены и башни сложены из камня, потемнели от времени, но выглядят грозно. Над зубцами торчал шпиль храма, и я с изумлением увидел венчающее его колесо. Не тележное, конечно, – об этом говорили его размеры, а вытесанное из камня. Обод, спицы... Это что за хрень? Я снял Мирку с плеча и сунул ее в сумку.

Карета приблизилась к воротам, и навстречу нам вышла стража. Полдюжину человек, одеты в зеленые мундиры и шляпы. У четверых за плечами висели кремневые ружья, на поясах – большие тесаки, и лишь у одного имелась шпага. Офицер, тут и гадать не нужно. Разглядев герб на дверцах, стражники отступили на обочину и вытянулись. Съёрд Оливер здесь явно в авторитете. Я остановил лошадей.

– Черр!

Офицер подошел ближе.

– В трех милях отсюда на съёрда Оливера напали солдаты Морти. Убиты кучер и слуги. Съёрд ранен.

– А ты кто? – насторожился офицер.

– Прохожий. Помог съёрду отбиться. Солдат мы убили. Съёрд велел отвезти его домой, но я не знаю, где это. Я в первый раз в Иорвике. Следует спешить: черру Оливеру худо.

– Клер! – офицер повернулся к стражникам: – Покажи дорогу.

Один из стражников взобрался на козлы, и я хлестнул лошадей. Скорей отсюда! Не то станут расспрашивать...

Колеса простучали по мосту, мы въехали в ворота и покатили по улице. Ее обступали невысокие, в два – три этажа, дома, сложенные из темного камня. Собственно, каменными были только первые этажи, остальные – фахверковыми, из дерева и глины, покрашенной в белый цвет. Черепичные крыши, узкие окошки с частыми переплетами, но застекленные. Окна отсвечивали зеленью – делать прозрачное стекло здесь пока не умеют. А вот улица вымощена булыжником – прогресс.

Мы прогремели пару кварталов. Стражник указал рукой, и я увидел кирпичную ограду. Дом возвышался над ней, сверкая медной крышей. Никакого фахверка – каменные стены с резьбой у окон, да и сами окна большие и частые. Небедный у нас съёрд!

Я остановил карету перед коваными воротами. Стражник спрыгнул и требовательно застучал медным кольцом. В створке открылось окошко, там показалось лицо, затем за воротами ахнули, и створки стали открываться. Стражник кивнул мне и отправился восвояси. Я шлепнул лошадей вожжами и подогнал карету к каменному крыльцу. Навстречу высыпала толпа слуг. На меня уставились десятки изумленных глаз.

– Съёрд ранен! – крикнул я, соскакивая с козел. – Ему нужна помощь!

Обо мне мигом забыли. Слуги захлопотали у кареты. Из нее вытащили раненого и на руках понесли в дом. Следом выпорхнула рыженькая. Я колебался мгновение.

– Черра!

Она остановилась и окинула меня сердитым взглядом. Плевать!

– Ваш отец тяжело ранен. Возможно, задето легкое. Не позволяйте пускать ему кровь – он и без того потерял ее много. Обтирайте раненого уксусом, меняйте повязки. Они должны быть чистыми, бинты лучше предварительно кипятить. Давайте ему вино, но не много. Оно облегчит боль и будет способствовать заживлению.

Брови ее поползли вверх.

– Вы доктор?

– Приходилось иметь дело с подобными случаями, – ушел я от вопроса.

Она внезапно помялась.

– Там, на дороге... Я... Меня...

– Не беспокойтесь, черра! – сказал я, догадавшись. – Я не видел ничего такого, о чем стоило бы рассказывать.

Она вспыхнула, обдала меня сердитым взглядом и побежала в дом. Чего разозлилась, спрашивается? Я пожал плечами и, повернувшись, увидел перед собой здорового мужика с тесаком на поясе. За его спиной маячили еще двое. Откуда взялись? Лицо мужика – коричневое, с белыми полосами шрамов – не сулило хорошего.

– Ты кто? – спросил он, ткнув в меня пальцем.

– Прохожий. Помог съёрду отбиться от разбойников, а затем привез его сюда.

– А где Айк, Тэд и Блэр?

– Погибли.

– На тебе куртка Тэда.

– Съёрд разрешил ее взять, – я опустил подробности. – Сказал, что стража все равно сдерет.

Тяжелая рука легла мне на плечо.

– Идем! Расскажешь!

– Съёрд сказал, что в Иорвике я пойду, куда захочу.

Мужик крепко сжал мне плечо.

– Идем!

– Убери руку! – потребовал я.

– А то что?

– Будет больно.

Он ухмыльнулся, но в следующий миг охнул и отпустил мое плечо. Пинок в голень – это, знаете ли, не конфетку съесть. Я без замаха добавил ему под ложечку. Мужик согнулся пополам. А вот нечего хамить, рожа драная! Двое других дернулись ко мне, но я выхватил пистолеты и взвел курки.

– С дороги!

Они попятились на газоны. Держа слуг на прицеле, я прошел мимо и выбежал в открытые ворота – к счастью, их не успели закрыть. Привратник проводил меня испуганным взглядом. Оказавшись на улице, я оглянулся. Меня не преследовали. Придерживая спицы курков, я снял их с боевого взвода и сунул пистолеты за пояс. В сумке завозилась Мирка – почуяла всплеск адреналина. Я сунул руку под клапан и погладил горностайку. Выпускать не стал – лишнее внимание ни к чему.

– Тихо, девочка! Нас неласково приняли, но мы выбрались.

Мирка успокоилась. Я осмотрелся и направился нужным путем. Дорогой я кое-что приметил...

Глава 3

По краям вывески красовались две скрещенные шпаги и пара пистолетов в такой же конфигурации. Надпись между рисунками имплант перевести не смог. Судя по буквам, здесь использовали классическую латиницу (интересно, откуда она взялась?), но сам текст... Сплошные дифтонги и шипящие – язык сломаешь. Я толкнул дверь. Задавленно брякнул колокольчик, и я оказался внутри небольшой комнаты, перегороденной высоким прилавком из потемневшего дерева. Им же были отделаны стены, которые сплошь покрывали развешанные на крюках шпаги, палаши, тесаки, пистолеты и прочий металл, предназначенный резать, колоть, рубить, а также убивать людей на расстоянии. В лавке пахло пылью, старым железом и ружейным маслом.

– Черр?

Над прилавком возникла седенькая голова. Морщинистое лицо обрамляла борода, такая же седая, как волосы на голове.

– Чем могу?

Я открыл клапан сумки. Мирка воспользовалась моментом и выскользнула мне на плечо. Кустистые брови старика поползли вверх.

– Вот! – Я выложил на прилавок трофеи. – Хочу продать.

Старик взял пистолет, повертел в руках и бросил обратно.

– Не нужно.

Здрасьте! Это с чего? Оружие в этом времени, если верить импланту, должно цениться.

– Отдам дешево.

– Не возьму даже по пенни. Это пистолеты солдат Морти?

Я кивнул.

– Три дня назад купил сотню таких, – буркнул старик. – Все деньги потратил. Думал продать арсеналу. Не взяли даже по кроне. Дрянь! Арсенал требует: пистолет должен выстрелить шесть раз подряд без осечки. Отобрали десяток – ни один не выдержал. Более того. Смотрите! – Старичок нырнул за прилавок и появился обратно с пистолетом в руках. – Попробуйте взвести!

Я взял пистолет и потянул за спицу курка. Тот дошел до середины и уперся. Я нажал сильнее – бесполезно.

– Видите? – вздохнул старик. – Надо было сразу проверить. Но я даже подумать не мог. Оружие из Глена доброе. Отдали пистолеты дешево – по пять силли за штуку, вот я и обрадовался. Куда их теперь девать – ума не приложу.

Я достал мультитул, отщелкнул отвертку.

– Можно?

Старик уставился на мультитул, поколебался и кивнул. Я открутил винты и снял крышку замочной доски. Так... Суду все ясно. На пятке курка образовался заметный наплыв. Аналогичный виднелся и на шептале. Или делали из дрянного железа, или поленились закалить. Поначалу пистолет стрелял, но потом курок «закусил» шептало.

Вытолкнув шпильки, я вытащил бракованные детали и отщелкнул напильник. Металл курка поддался легко, насечки не забивал. Опилки с шорохом сыпались на прилавок. Все-таки сталь. Не бог весть какая, конечно, но закалке поддастся. Неизвестные мастера схалтурили – видимо, заказ спешным был...

Сточив наплывы, я вставил детали обратно и привинтил крышку. Потянул спицу курка. Тот, щелкнув, легко встал на боевой взвод. На полке пороха не было, но я не стал рисковать. Отвел ствол в сторону и нажал на спуск. Кремень высек сноп

искр, запахло гарью.

– Исправен!

Я протянул пистолет старику.

– Он выдержит шесть зарядов? – сощурился тот.

– Возможно, да, но скорее всего – нет. Детали нужно закалить. Тогда и сто раз выстрелит.

Старик взял пистолет и почесал стволом нос.

– Вы оружейный мастер?

Я кивнул. Можно считать и так. По сравнению с механизмами, которые я ремонтировал в Руднике, местные пистолеты – вилы, к тому же двузубые. Старик положил пистолет и уставился на меня.

– Вот что, э-э...

– Айвен меня зовут, – подсказал я.

– Вы могли бы взяться за эту работу, мастер Айвен?

– Нужны мастерская, инструменты, горн, масло, – стал перечислять я, – много чего потребуется.

– Все есть, – успокоил старик. – Как скоро справитесь?

Я задумался. Если детали взаимозаменяемые, то за неделю. А если нет...

– Месяц.

– Идет! – согласился старик.

– Сколько заплатите? – поинтересовался я.

– Если арсенал купит, получите десятую долю выручки. Всего пистолетов сто три, следовательно, получите десять крон и шесть силли. Большие деньги!

Я глянул на лавочника. Рожа жуликоватая... Наверняка ладит кривую козу.

– Вот что...

– Зак! – представился старик. – Зовите меня «мастер Зак».

Я достал кошелек.

– Я чужеземец, мастер Зак, и не знаю ваших денег. Не просветите?

Я высыпал монеты на прилавок. Зак взял медную.

– Это пенни. Двенадцать пенни составляют один силли. – Он взял серебряную монету. – Двадцать силли составляют одну золотую крону.

– Что можно купить за пенни?

– Фунт хлеба, кувшин пива или десяток яиц.

– А за силли?

– Откормленного гуся или откормленного поросенка.

– Сапоги! – указал я пальцем.

– Десять силли, – погрустнел лавочник. – Если новые.

– Куртка?

– Такая, как на вас, не меньше пяти силли, поношенная – дешевле. Рубашка из домашнего полотна – один силли. Но если шить самому, обойдется в пять пенни.

– А кружева?

Зак глянул на меня с удивлением.

– Добрые кружева из Бранта стоят крону за пядь. Это при ширине в три пальца. Если в пять, то две кроны.

Блин! А я их оторвал и выбросил. Теперь понятно, почему рыженькая смотрела с изумлением. Маркитантка не зря прятала одежду. Самое ценное я оставил на месте схватки. Хотя бы сапоги с разбойников снял...

– Аванс дадите?

Лицо лавочника вытянулось.

– У меня плохо с деньгами – сильно потратился. Дать аванс не могу. Зато в мастерской вы будете жить бесплатно, пользоваться всем, что там есть, – тоже.

– Мне не хватит на еду. Ей, – я ткнул пальцем в Мирку, – нужно мясо. Каждый день.

– Как называется ваш зверек? – заинтересовался лавочник.

– Горностай.

– Я могу его купить. Дам хорошую цену. Крону, скажем...

Мирка возмущенно твякнула.

– Я не торгую друзьями, мастер Зак!

Лавочник развел руками. Я сгреб монеты в кошель, завязал его и бросил в сумку. Повернулся к двери.

– Мастер Айвен!

Я нехотя обернулся.

– Давайте так. Вы исправите десяток пистолетов, покажете их мне и, если работа меня устроит, получите крону. Этого хватит на питание вам и ему, – старик показал на Мирку.

– Ей, – поправил я. – Миранда – девочка. Я принимаю ваше предложение, мастер Зак! Но у меня будут условия. Первое: мы закрепляем договор на бумаге. Второе: я присутствую при сдаче оружия в арсенал.

Лицо лавочника поскучнело.

– Зачем это вам?

– Думаю, исправный пистолет стоит больше кроны.

– Это если новый! – возразил старик. – К тому же у гленского оружия калибр на линию меньше, для них требуются свои пулелейки. Больше двух крон не дадут.

Я хмыкнул. Лавочник понял, что проговорился, и насупился.

– Не доверяете старому Заку, мастер?

– Ни капельки! – признался я.

– Потому что вы не местный. В Иорвике все меня знают. Говорите, вы чужестранец? Откуда приехали? Зачем?

«Ишь ты! – подумал я. – Допрос. Политическую статью шьет!»

– Спросите об этом съёрда Оливера. Сегодня я спас ему жизнь и его дочери – тоже. На пути в Иорвик на них напали разбойники. Я подоспел вовремя. Съёрд обещал мне покровительство.

Мне его не обещали, но Зак этого не знал. Спрашивать не побежит: побоится. Лавочник вздохнул и достал из-под прилавка чернильницу и лист рыхлой серой бумаги. Затем на свет явилось гусиное перо – самое настоящее, аккуратно подстриженное. Писал старик быстро. После того как я дважды поставил «Ivan», Зак оторвал по линейке мой экземпляр, затем – свой, остаток бумаги прибрал. Похоже, здесь она ценится.

– Тибби! – кликнул Зак, закончив.

В задней стене отворилась дверь. В проеме явилась вихрастая голова.

– Возьми тачку и помоги мастеру Айвену свезти пистолеты в мастерскую.

Голова кивнула и исчезла.

– Прошу вас, мастер!

Старик снял доску, преграждавшую вход за прилавок, и мы втроем – считая Мирку, конечно – прошли в заднюю комнату. Пистолеты обнаружили в больших корзинах у стены. Не обращая внимания на причитания Зака, я вывернул их на пол и стал складывать обратно, при этом пересчитывая. Тибби, мальчишка лет двенадцати, тот самый обладатель вихрастой головы, помогал. Поглядывая на Мирку, он протягивал мне пистолеты, а я, перед тем как бросить их в корзину, осматривал оружие. Трофеи, подобранные на поле боя, могли оказаться без курков, полок, с разбитыми рукоятями и ложами. Мне их потом самому делать? К моей радости, пистолетов оказалось ровно сто три, и выглядели они вполне сносно: не потертые, не ржавые и даже с целыми кремнями.

– Убедились, мастер Айвен? – съехидничал лавочник, когда я завершил пересчет. – Старый Зак не обманывает. Пистолеты почистили и смазали, Тибби занимался этим два дня.

Парнишка в подтверждение показал мне черные ладони. Ну да, пороховую гарь отскрести трудно...

– Проведи Айвена в мастерскую, Тибби, – сказал Зак, протягивая связку ключей. – Обратно не возвращайся. Покупателей уже не будет.

Мы с Тибби вытащили корзины во двор и погрузили их в здоровенную тачку. Катить пришлось вдвоем – груз тянул центнера на полтора. Хорошо, что пистолеты оказались пехотными, а не кавалерийскими. У последних длиннее ствол, да и калибр больше. Они тяжелые, их возят в седельных кобурах. Эти сведения выдал имплант. Похоже, мне вставили общую энциклопедию. В военных имплантах такой информации нет. Солдату с импульсной винтовкой, обвешанному приборами, как новогодняя елка шарами, кремневые пистолеты без нужды.

Тачка простучала по булыжникам и пошла тихо – город кончился. Мастерская располагалась на берегу реки за крепостной стеной. Тибби открыл замок на воротах, и мы въехали внутрь. Мастерская представляла собой одноэтажный дом под черепичной крышей со стенами, сложенными из кирпича. Просторный двор, окруженный забором из потемневших от времени деревянных плах, хозяйственные постройки. Тибби указал на невысокий сарай.

– Пистолеты лучше сложить там, в мастерской будут мешать.

Я кивнул, и мы толкнули тачку. В сарае оказался склад. На полках-стеллажах лежали заготовки рукоятей и лож, полосы железа, слитки свинца и меди, стояли оплетенные бутылки с растворами, в небольших коробочках обнаружили винты-шурупы и прочие детали оружия. Все рассортировано и аккуратно расставлено.

– Мастер Клаус любил порядок, – пояснил Тибби.

– А где он? – полюбопытствовал я.

Парнишка замялся.

– Не стесняйся! – поощрил я.

– Не скажете хозяину?

– Чтоб мне сдохнуть! – пообещал я, стукнув кулаком себя в грудь. Мирка в подтверждение чирикнула.

– Еще до высадки Морти мастер уехал. Обрато не вернулся. Хозяин говорит, что он отправился в Глен, но это не так. Я помогал Клаусу грузить повозку. Мастер забрал оружие – все, что было, порох, пули и поехал на север. Если б хотел в Глен, повернул бы направо – порт там.

– Битва с мятежниками была на север от города?

– Так, мастер!

«Вот оно что! – понял я. – Клаус поехал к Морти».

– Кому принадлежит мастерская?

– Клаусу.

Все ясно. Хитропопый дедушка этот Зак! Узнают власти, что Клаус – мятежник, конфискует мастерскую. Мастер наверняка погиб. Если бы попал в плен, об этом знали бы. Зак явно положил на мастерскую глаз. Поэтому селит другого человека, разрешает ему всем пользоваться. А там, глядишь, и приватизирует.

Сгрузив корзины, мы заперли сарай и пошли в дом. Он состоял из двух комнат: жилой и собственно мастерской. В жилой обнаружили: деревянная кровать с тюфяком и подушкой (на удивление чистыми), небольшой стол с табуреткой и – к моему великому удивлению – полки с книгами. Они были в кожаных переплетах, большие и тяжелые.

– Мастер Клаус любил читать, – заметил по этому поводу Тибби.

Еще более удивила мастерская. Токарный станок, кузнечный молот, круглый точильный камень на железной оси, горн с кожаными мехами – и все это на механической тяге! Об этом свидетельствовало гладкое бревно, закрепленное вдоль стены в кожаных гнездах с деревянными шкивами на нем – каждое напротив потребителя мощности. Ременные передачи со шкивов были сброшены, но натянуть их – минутное дело.

– Как это вращается? – спросил я, указав на бревно.

– За домом – водяное колесо, – ответил Тибби. – Плотина стоит на ручье, впадающем в реку. Открываете затвор – и колесо крутится. Не нужно – закрываете.

Парнишка сказал это важно, и я догадался, что он открывал затвор. Ладно, разберемся. Если Тибби смог... Я пошел к верстаку. К нему были прикручены тиски с медными губками. Зажимались тиски винтом. На верстаке лежали молотки, напильники, зубила, сверла, резцы. На вбитых в стену крюках висели кронциркули и линейки. Я проникся уважением к покойному Клаусу. Единственное, что портило впечатление, – мусор на земляном полу: какие-то тряпки, обрывки бумаги, просыпанный порох.

– После отъезда мастера не убирали, – сказал Тибби, заметив мой взгляд. – Нужна служанка, мастер Айвен? Убирать, стирать, готовить? Могу посоветовать хорошую.

– Денег мало! – вздохнул я.

– Всего два силли в месяц! – возразил Тибби. – Я слышал ваш разговор с хозяином. Вы сделаете пистолеты и получите крону. Это двадцать силли. Платить нужно через месяц, и деньги у вас будут.

«В самом деле! – подумал я. – Два силли – это двадцать четыре пенни, меньше одного в день. Фактически рабский труд. Недорого здесь ценят слуг. А мне возиться со стиркой-готовкой?»

– Пусть приходит.

– Спасибо, мастер Айвен! – расцвел парнишка. – Вы не пожалеете: Салли очень старательная.

«Интересно, кто она тебе?» – подумал я, но уточнять не стал.

– Сколько тебе лет, Тибби?

– Пятнадцать, мастер! Я взрослый.

А выглядит на двенадцать... Я достал кошелек – не тот, что показывал лавочнику – и высыпал на ладонь медяшки.

– Что скажешь об этих деньгах, Тибби?

– Гленские гроу, новенькие, – определил Тибби, склонившись над ладонью. – Откуда они у вас?

– Трофей. Их примут в оплату?

– Конечно! Гроу берут даже лучше – они полновеснее.

«Плохи дела в этой стране, – подумал я. – На меди экономят».

– Держи! – я протянул Тибби гроу. – Это тебе за помощь. Вот еще два, и добудь мне какой-нибудь еды. Хотя бы кусок хлеба. С утра не ел.

Я мог позволить себе щедрость: капитал возрос. Парнишка схватил монеты и убежал. Не успел я разложить имущество, как он вернулся. В руках Тибби держал миску и ломоть хлеба. Над миской курился парок.

– Еще горячая, – довольно заявил мальчик, протягивая миску. – Мать только что сварила. Мы рядом живем. Еду лучше покупать на рынке, мастер, – там свежее и недорого. Утром придет Салли, поручите это ей. Она хорошо торгуется. У мастера Клауса есть ледник, там можно хранить провизию. Если покупать много, выйдет дешевле. Ешьте, мастер! Завтра Салли заберет миску.

Лицо Тибби выражало стремление убежать, но я остановил мальчика. Следовало получить ответ на вопрос.

– Почему на шпиле храма в Иорвике колесо?

– Потому что Спасителя колесовали! – ответил Тибби и умчался.

?

Разбудил меня визг.

Вечер прошел в хлопотах. После ужина, обследовав постройки, я нашел деревянную бочку и медное ведро. Вода имелась в реке. К ней вела калитка, запираемая на засов. На берегу обнаружились мостки. Я вымыл бочку, отнес ее в дом и натаскал воды. Затем разжег горн и поставил в него полное ведро. Древесного угля у Клауса имелось в избытке. Вскипевшую воду я вылил в бочку, размешал и залез внутрь. Предварительно скинув протезы, конечно. Мирка мероприятие не одобрила, и в ответ на приглашение составить компанию презрительно фыркнула. В сарае нашелся щелок, и я с наслаждением – до скрипа кожи – отмылся. Затем постирал одежду, не тронув только рубаху. В последний миг обнаружилось, что простыней в доме нет и одеяла – тоже. Перспектива спать голым не вдохновляла: ночи в Алитании стоят прохладные. Развесив постиранное сушиться, я завалился на кровать, укрывшись кожаным фартуком – единственным, что сгодилось для этой цели. Без протезов его длины хватило. После ночи в лесу матрац и подушка показались мягкими. Я не заметил, как провалился в сон. Спал долго – пока не завизжали.

Вскочив с кровати, я сунул ноги в протезы, заправленные в сапоги, и побежал в мастерскую. Там оторопело уставился на девочку, стоявшую у порога. Лицо ее выражало ужас. Увидев меня, она умолкла и шмыгнула носом.

– Ты кто? – озадаченно спросил я.

– Салли, – ответила девочка и вновь шмыгнула.

– Чего визжишь?

– Вот! – Она указала на пол.

Я присмотрелся. У порога рядом лежали дохлые мыши. Трупки выровняли по ранжиру: от самой крупной до мелкой, причем проделали это не без изыска. Миркина работа.

– Очень боюсь мышей, мастер! – промолвила девочка дрожащим голосом.

Я вздохнул, взял оставленную в углу метелку – вечером я не удержался и в мастерской прибрал – и смел трупики в деревянный совок. Выйдя во двор, швырнул их через забор. Найдется, кому подобрать – зверья хватает. Вернувшись, я обнаружил Салли у стены. Она вжималась в нее спиной, а напротив, выгнув спину, шипела Мирка.

Я свистнул. Мирка подбежала ко мне. Я бросил метелку с совком и подхватил горностайку. Оказавшись на плече, она довольно стрекотнула: видел, как я? И мышей наловила, и человеческую самку приструнила.

– Не бойся! – сказал я Салли. – Мирка – ручная. Она не ест маленьких.

– Я не маленькая! – обиделась гостья. – Мне двенадцать лет.

– Совсем большая... – согласился я. – Ты как вошла, Салли?

– Так не заперто.

Конечно! Сам вчера открыл дверь – чтоб Мирка могла гулять. И ворота не запер. Заходи, кто хочет, бери, что хочешь...

– Погуляй во дворе, Салли!

Косясь на Мирку, Салли выскочила во двор. Одежда за ночь высохла. Я натянул штаны, а с курткой случился облом – села. Я не учел, что она из сукна. Полотняные штаны стирку выдержали, а вот куртка – нет. Я выругался. На шум заглянула Салли. Я стащил куртку и швырнул ее на верстак.

– Выброси! Или пусти на тряпки.

Салли подошла, взяла куртку и внимательно рассмотрела.

– Она вам и вправду не нужна?

Я вздохнул.

– Тогда, с вашего разрешения, я ее заберу. Взамен принесу ветошь – она понадобится. Мастер Клаус ее использовал.

Хм!..

– Ты работала у него?

– Да! – кивнула девочка. – Мной были довольны.

– Ладно! – сказал я. – Пошли на рынок! Есть хочется...

Дорогой я слушал Салли. Она оказалась сестрой Тибби – кто б сомневался? Еще, сообщила Салли, у них есть младшая сестренка, ей всего шесть. Зовут ее Нэнси. Она очень забавная и любит играть. Живут они с матерью, отец умер зимой – простудился. Им стало тяжело: остались долги. Мать стирает и шьет, Тибби работает в лавке, а ее пристроили к Клаусу. Тот был строгим, но платил аккуратно. Она рада, что новый мастер согласился ее взять. Он не пожалеет...

В руках Салли тащила корзины. Я пытался их взять, но девочка не отдала.

– Это моя работа! – заявила она твердо.

...Рынок размещался за городскими воротами, но не теми, в которые я въезжал. На небольшой площади рядами стояли возы, тачки, между ними бродили люди и слышались голоса продавцов. Салли решительно направилась к возку, где, испуская призывный аромат, лежал на холсте хлеб.

– Свежий, с пылу, с жару! – возвещал мужчина в холщовом колпаке. – Тает во рту! Пенни за фунт! – добавил, заметив нас.

– Берем ковригу за три пенни! – сказала Салли, ткнув пальцем в один из хлебов.

– Побойся Спасителя, девочка! – воскликнул продавец. – В ней пять фунтов! Четыре пенни – последняя цена.

– Хлеб треснул, – заметила Салли. – Жар в печи был большим. Это значит, что корка толстая. Коврига зачерствеет, тогда и половины не выручите. Три

полновесных гроу!

Продавец почесал колпак.

– Где вы взяли это чудище, мастер? – спросил меня. – С ней невозможно спорить! Ладно, бери за три, только никому не рассказывай! Будут смеяться, что уступил девочке.

Я заплатил. Салли ловко перебросила хлеб в корзинку.

– Он хороший! – сказала, когда мы отошли. – Это ковриги мастера Кейла, лучшего пекаря Иорвика. У возка его слуга. Он недавно в Иорвике и в хлебе не разбирается. Иначе б знал, что треснувшая корка – добрый знак. В муку ничего не подмешивали.

Я вытащил нож и отхватил горбушку. Откусил. М-м-м! Теплый ржаной хлеб из крупномолотой муки буквально таял во рту. Я не заметил, как сжевал все, и немедленно отрезал еще ломоть.

– Возьми! – протянул хлеб Салли.

– Я завтракала, мастер! – отказалась девочка. Она опустила взгляд и сглотнула.

– Хочу, чтоб ты попробовала. Кажется, хлеб кислит.

Салли схватила краюху и сжевала ее вмиг.

– Хороший хлеб! – сказала, отряхнув со рта крошки. – Ничуть не кислый.

– Показалось! – сказал я. – Где тут молоко?

Искомое нашлось рядом. Я заплатил пенни, и мы выпили кувшин на двоих. В этот раз Салли не возражала. Я объяснил, что один не осилю, а кувшин требуется вернуть. Не пропадать же добру? Салли согласилась. Мы пожевали хлеба, запили его молоком, поочередно отхлебывая из кувшина, и я решил, что жизнь хороша. Похоже, Салли не возражала. Мы двинулись вдоль рядов, разглядывая и прицениваясь. Цены не вдохновляли. За фунт мяса с костями просили три пенни,

за мякоть – все пять. Какие-то сморщенные овощи прошлогоднего урожая стоили пенни за фунт, и торговки не уступали. Относительно дешево ценились мука и яйца. Как мне объяснила Салли, прошлый год выдался урожайным, поэтому муки много. Что до яиц, то летом куры сами находят корм и хорошо несутся. Подумав, я купил пшеничной муки и два десятка яиц, заплатив за все пять гроу.

– Будете печь булки? – удивилась Салли.

– Увидишь! – пообещал я.

Разговаривая, мы подошли к повозке, в которой, возясь в соломе, повизгивали молочные поросята.

– Шесть пенни за каждого! – сказал хозяин, заметив наш интерес. – Поросята здоровые, растут быстро.

– Я не собираюсь держать свиней! – хмыкнул я.

– Так вам, чтобы есть? – догадался хозяин. – Есть один хроменький, отдам за три. Вот! – он вытащил из соломы небольшого, но упитанного поросенка. – Видите, ножка сухая? На выращивание не купят, а на еду сгодится. Берете?

– Это очень дешево! – шепнула мне Салли. – Только пусть сам убьет.

Я передал пожелание. Мужик ухмыльнулся, взял поросенка за задние ноги и с размаху треснул головой о край повозки. Поросяенок взвизгнул и обмяк. Хозяин бросил убиенного нам в корзину и принял плату.

В следующей повозке лежала рыба. Я сделал стойку. Рыбу я обожаю. Но выпущенную слюну пришлось сглотнуть. Цену ломили невероятную. Целый силли за небольшого сома!

– Что так дорого? – возмутился я. – Он же в реке плавал, растить-кормить не надо!

– А королевский налог! – возразил продавец. – Шесть пенни за десять фунтов улова. Если ничего не поймал, то все равно плати. Стража следит.

– А если для себя?

– Без разницы! – вздохнул продавец. – Чем бы ни ловил: невод, бредень, паук, удочка или даже багор – все равно. Не заплатишь – присудят штраф. Два раза поймают – тюрьма.

Я только головой покачал. У местных правителей мозги есть? Ввести налог на рыбалку! Казне урон, и людям плохо. Внезапно меня осенило.

– Салли! – спросил я. – Где можно купить тонкий, но прочный шнур?

– Идем! – сказала она.

Мы направились в вещевой ряд, где я приобрел моток шнура. Как мне объяснили, его используют при шитье палаток. Пропитанный воском, шнур не боится воды – что и требуется.

– Зачем он вам? – заинтересовалась Салли.

– Мирку привязывать! – просветил я.

Салли насупилась: поняла, что шучу. Горностаю, чтоб не привлекать к себе внимания, мы оставили дома. Ясень пень, что не привязывали. Мирке перекусить этот шнур – что мне сглотнуть.

В вещевом ряду торговали одеждой. Просили дорого. Мундиры гленских солдат, содранные с трупов, ценились в пять силли. Вороха их, даже не отстиранных от крови, высились на возах. Мародеры... Хоть бы тела закопали. Салли посоветовала купить полотна на рубашку. Та, что на мне, сказала она, сшита из дорогой ткани. В мастерской я ее мигом прожгу. При ковке металла летят искры, а фартук не спасет. Поэтому Клаус, работая, надевал простые рубашки. Ее мать их сошьет. В словах девочки был резон. Я подумал и достал из сумки чулки маркитантки.

– Возьмешь? – спросил продавца.

– Не новые! – скривился тот.

– Зато шелковые! Предлагаю обмен: чулки на полотно.

– Десять локтей за пару! – встряла Салли.

– Ты что, девочка! – возмутился продавец. – Какие десять? Пять за все. Как раз на рубашку.

– Мастер высокий! – возразила Салли. – Ему нужно много полотна. Чулки стоят не меньше силли. Не хотите – сама продам!

– Какой силли! – забормотал продавец и спрятал чулки. – Ладно, на две рубашки...

Полотно он отмерял с лицом сына, потерявшего мать, и я не стал предлагать ему ленты маркитантки. Лучше подарю Салли. Задумано – сделано.

– Что вы, мастер! – смутилась девочка. – Это дорого!

– Мне они ничего стоили – трофеей. Носить их не могу – волосы короткие, – я снял шляпу и провел ладонью по стриженной голове. – К тому же могут неправильно понять.

Салли приснула и забрала ленточки. Скатав их, засунула в рукав.

...Мирка встретила нас у ворот. Принюхавшись, прыгнула в корзину и затанцевала на тушке битого поросенка.

– Будет тебе печенка! – успокоил я.

Перед тем как разделать свинку, я осмолил ее и выскреб шкуру ножом. Мирка, получив печень, утащила ее, перед этим подозрительно глянув на Салли: не вздумает ли отбирать? Поросячью голову и ножки я бросил в глиняный горшок

(посуды в доме хватало), залил водой и, посолив, поставил томиться на угли. Оставшуюся тушку отнес в ледник, представлявший собой погреб, где грудой лежал пересыпанный опилками лед. Он потихоньку таял, но хватит еще надолго. Затем я притащил доску, вымыл ее и запряг Салли месить тесто. В сарае нашлось круглое полено. Закрепив его в токарном станке, я подогнал бабку с конусом и сходил к водяному колесу. Затвор представлял собой заслонку, укрепленную в пазах. Я потянул ее вверх, вода хлынула в желоб, и деревянное колесо высотой в полтора человеческих роста медленно завертелось. Ось с насаженными на нее деревянными «пальцами» привела в движение зубчатый барабан на конце бревна, торчавшего из стены. Я вернулся в мастерскую. Зажатое в шпинделе полено быстро вращалось. Взяв резец, я подогнал суппорт и в два счета выточил из полена скалку с ручками. Салли тем временем справилась с тестом. Я оторвал комок, шлепнул его на доску и раскатал до нужной толщины. После чего нарезал ножом на тонкие полоски.

– Делай так!

Я протянул девочке нож.

– Что это будет? – любопытствовала Салли.

– Лапша! – объяснил я.

Глава 4

Обедали мы втроем. К полудню проведать старшую сестру явилась Нэнси. Как нетрудно догадаться, истинной причиной ее прихода стало любопытство. Нэнси оказалась плотно сбитой, круглощекой девочкой с большими синими глазами под пушистыми ресницами. Таких детей изображают на обертках конфет: их вид вызывает умиление и желание потискать. Я это желание сдержал и ограничился тем, что усадил Нэнси за стол. Разлив лапшу, я бросил в миски девочкам пороссячи ножки, себе на правах хозяина забрал голову. Вдобавок каждому обедающему предложили по ломтю хлеба и деревянной ложке. Нэнси зажала ее в кулачке и погрузила в варево. Ела она сосредоточенно, не забывая дуть на горячее, и с хлюпаньем втягивала в ротик разваренную лапшу. После того, как варево кончилось, Нэнси отложила ложку и взяла пороссячью ножку.

Обгладывала она ее деловито, выгрызая острыми зубками хрящики. В этот момент на стол вспрыгнула Мирка.

Салли испуганно замерла, но Мирка не обратила на нее внимания. Она сходу направилась к Нэнси. Девочка подумала и протянула горностайке обглоданную ножку. Мирка фыркнула и, шагнув ближе, слизнула со щеки Нэнси потек жира. Салли испуганно открыла рот.

– Не бойся! – шепнул я. – Мирке нравится Нэнси. Она хочет подружиться.

В подтверждение моих слов Нэнси попыталась схватить Мирку. Та отпрянула и затанцевала, стрекоча и подпрыгивая. Затем прыгнула на пол. Нэнси полезла следом.

– Доешь! – обеспокоилась Салли.

– Не хочу! – объявила Нэнси. Мирка поощрительно стрекотнула и устремилась за дверь. Девочка побежала следом. Покончив с едой, мы вышли во двор и застали веселье. Нэнси гналась за Миркой, а та, делая вид, что испугана, убегала. Оказавшись у забора, горностайка оборачивалась, выгибала спину и начинала грозно шипеть. Нэнси вскрикивала и убегала. Мирка, таякая, гнала ее в противоположный конец двора, где роли менялись. Все это сопровождалось визгом, криками, стрекотанием и чириканьем. Наконец, Нэнси запыхалась и присела на чурбачок. Мирка вскочила ей на колени, и девочка принялась ее гладить. Горностайка зажмурилась и вытянулась.

– Видишь! – сказал я Салли. – Совсем ручная.

– На меня шипела! – не согласилась служанка.

– Она не знала, что ты своя. Больше не будет.

Салли поколебалась и подошла к младшей сестре. Горностайка открыла глаза и вновь зажмурилась. Салли осторожно коснулась ее спинки. Мирка поощрительно стрекотнула. Оставив девочек, я сходил в сарай и принес три пистолета. В мастерской я разобрал оружие и измерил детали кронциркулем. Размеры совпали. Не до десятой доли миллиметра, конечно, но в шестую – восьмую часть

линии вписывались. Какой линии? Десятой доли дюйма. Откуда здесь дюйм? Да оттуда же, откуда и у нас – ширина большого пальца мужской руки. В дюймах и линиях были размечены линейки Клауса, я это вчера заметил. Что тут удивительного? Когда человеку понадобились единицы мер, он нашел их в себе любимом. Дюйм – ширина пальца, фут – длина стопы, локоть... Дальше объяснять?

В моем мире расхождения в размерах, выявленные мной, вызвали бы ужас. Это ведь оружие! Оно не будет стрелять! Будет. У кремневого пистолета допуски в размерах деталей – плюс-минус лапоть. Я взял напильник Клауса и сточил наплывы на курках и шепталах – там, где они успели образоваться. Заодно заровнял образовавшиеся впадинки. После чего перемешал детали и заново собрал пистолеты. У всех трех курки встали на боевой взвод и послушно высекли из огнива искры.

Оставалось определить причину осечек: не из-за курков же все? Имплант, помедлив, выдал мне список. Подмокший на полке порох – это раз. Его сдуло ветром – два. Из-за этого кремневое оружие нельзя использовать в дождь или в ветреную погоду. Подумав, эти причины я отверг. В непогоду пистолеты не стали бы испытывать. Здесь другое. Плохие кремни? Я осмотрел их. Слегка оббиты, но не настолько, чтоб подвести. Огнива в норме. Что остается? Запальное отверстие. На крючке рядом с кронциркулем я увидел шило – видимо, специально сделанное для этой цели – и проверил им запальные отверстия. Чистые.

Сходил в сарай, где взял еще семь пистолетов. По пути заметил: Мирка гоняет Салли. Увидев меня, девочка замерла и попыталась изобразить озабоченный вид, но Мирка, подскочив, вцепилась зубами ей в подол. Салли прыснула и подхватила горностайку. Я оставил их и пошел в дом. Там проверил другие запальные отверстия. Чистые. Я вышел во двор.

– Салли?

Девочка подбежала с Миркой на руках.

– Вода в горне согрелась. Помоешь посуду и можешь идти домой.

– А ужин? – удивилась Салли. – Надо приготовить.

– Лапша осталась, – отмахнулся я. – И вот еще что. Когда придет Тибби, скажи, чтобы забежал.

Девочки ушли. Я разобрал пистолеты, подправил детали и ссыпал их в металлическую корзинку – у мастера Клауса нашлась. После чего поставил ее в горн. Привод привел в действие меха. Угли запылали. Корзина с деталями вскоре стала малиновой. Я выхватил ее щипцами и погрузил в емкость с растительным маслом. Отсчитав шесть секунд, перебросил в воду. Выждав с минуту, извлек. Такой способ закалки порекомендовал имплант. Детали оказались теплыми, но пальцев не обжигали. Я обтер их ветошью – Салли, как пообещала, ее принесла – и собрал первый пистолет. Извлек из губок кремень – зачем попусту оббивать? – и десять раз взвел и спустил курок. Механизм работал без сбоев. Я разобрал пистолет. Наплывов не наблюдалось, лишь воронение в соприкасавшихся местах обтерлось. Что и требовалось доказать. Смазать механизм, и он сотню выстрелов выдержит. Больше не нужно. Здесь, чтобы выстрелить сто раз, две войны пройдешь. Можно, конечно, тренироваться, да только кто это делает? Порох – он денежек стоит, и свинец для пуль – тоже.

Это подтвердил заглянувший ко мне Тибби.

– Порох стоит пять силли за фунт. Это зерненный. Пылевой дешевле, но его плохо берут: нагара много. Чистить оружие после него трудно. К тому же пылевой тянет влагу: если зарядил, нужно сразу стрелять. Если помедлить, порох может не загореться.

Стоп!

– Каким порохом испытывали пистолеты?

– Пылевым. Мастер Зак сказал, что так дешевле. Арсенал не дает пороха для испытаний.

– Стреляли сразу, как заряжали?

– Да, мастер!

Значит, не во влаге дело.

– Когда происходили осечки?

– На четвертом – пятом выстреле.

– Когда чистил пистолеты, запальные отверстия были забиты?

– Да, мастер, – прямо пробки. Ковырял чисткой. Но это было потом. Во время испытаний чистить пистолеты нельзя.

Вот и ответ! Что мы имеем с гуся? Жадного лавочника, который сэкономил на порохе и сорвал сделку. Таких людей нужно лечить. Хотя... В его возрасте бесполезно.

В глазах Тибби мелькнула догадка.

– Вы думаете, мастер?..

– Именно! – подтвердил я. – Плохой порох и незакаленные детали. В остальном пистолеты хорошие.

– Вы их исправите?

– Хоть завтра.

– Не спешите! – замотал головой Тибби. – Зак решит, что вы ничего не делали – просто отобрали десяток лучших, поэтому не заплатит.

Нет, все-таки гадский дедок!

– Отдайте через неделю, как договорились.

Я кивнул.

– И еще, – Тибби потупился. – Мама просит вас не кормить сестер.

– Почему?

– Мы не нищие.

Разумеется! Всего лишь бедные, и по этой причине очень гордые.

– Я не кормлю их, Тибби, а угощаю. Имею право?

– Да! – согласился мальчик.

– Так что не надо мне запрещать. Я мастер или где?

Тибби не понял вопроса, но на всякий случай закивал.

– Вот! – он протянул корзину. – Мать просила передать. Там одеяло – Салли сказала, что у вас его нет, и рубашка покойного отца. Она чистая, не беспокойтесь. Мать говорит, что куртка почти новая, из нее выйдет платье для Нэнси.

– Благодарю! – сказал я, беря корзинку.

Тибби убежал, и я рассмотрел подарки. Одеяло сшито из лоскутов – по летнему времени сойдет. Рубашка коротковата, но носить можно. Свою я постираю и оставляю на выход.

Я запер ворота и сходил в сарай. Днем я обнаружил там моток проволоки. Судя по диаметру, ее использовали на шпильки для крепления деталей. В мастерской я откусил щипцами три куска, разогрел их в горне и выковал рыболовные крючки. Навязав их на короткие поводки, прикрепил к купленному шнуру. К концу снасти прицепил свинцовое грузило. После чего сходил в погреб и принес сердце разделанного поросенка. Для наживки хватит.

Забросив донку, я прикрепил свободный конец шнура к водяному колесу. И в глаза не бросается, и рыба не утащит. Вернувшись, я умылся, постирал рубашку и завалился спать. Мирка последовала за мной.

– За мышами пойдешь? – спросил я.

Горностайка зевнула и устроилась на моей груди.

– Правильно, – одобрил я. – Нечего детей пугать. Продукты я спрятал – не доберутся. К тому же, думаю, ты их распугала.

Мирка стрекотнула в подтверждение, и мы уснули.

?

Встал я затемно. Быстро справив нужду, побежал к реке. В рассветной мгле было видно, что шнур вытянут в струну. Я встал на опору рядом с колесом и попытался снасть вытащить. Шнур не поддался – едва ладони не порезал. Это кто ж там у нас сидит? Подумав, я сбегал в дом и вернулся с кочергой – заменит багор, если нужно – и стал медленно вращать колесо. Оно скрипнуло и потащило шнур. Тот взрезал водную гладь и заметался из стороны в сторону. Я ослабил нажим, шнур успокоился. Я надавил на спицу – шнур заметался. Так повторялось несколько раз. Наконец над водой показалась широкая голова с выпученными глазами. Я подтащил ее поближе, подвел кочергу и подцепил рыбу крюком за жабры. Глотнув воздуха, она ослабила сопротивление. Склонившись с опоры, я вытащил из зубастой пасти крючок и рывком перебросил добычу на берег. Упав на траву, рыба запрыгала, но я, подскочив, успокоил ее ударом по голове. После чего рассмотрел.

Налим, как его определил имплант, оказался длиной около метра и примерно килограммов в пять весом. Темная, почти черная кожа с большими желтоватыми пятнами. Я бросил рыбу к забору и вернулся к колесу. К моему удивлению, снасть не пустовала. В этот раз тащить было легче. Я стал обладателем еще одного налима поменьше и окуня. И как только шнур выдержал?! Рыбы в этой реке – хоть веслом мешай. А чему удивляться? Запретительный налог в действии.

Я отвязал донку и спрятал ее в траве. Если найдут, открещусь. Мое то, что внутри двора, снаружи – чужое. Окуня и одного налима я оттащил в ледник, после чего занялся оставшимся. Отрезал голову, выпотрошил и почистил. Привлеченная моим занятием, явилась Мирка. Я предложил ей налимом печень, но Мирка презрительно фыркнула. Вот привереда! Это же деликатес! Не любит моя горностайка рыбу, а я так – наоборот.

К приходу Салли куски рыбы, обваленные в муке, шипели на сковороде. Растительное масло в доме было – осталось еще от Клауса, и процесс шел. По мастерской плыл одуряющий запах. Салли, шагнув за порог, застыла.

– Проходи! – пригласил я. – Умеешь жарить?

– Где вы взяли рыбу, мастер?

– Купил.

– Ходили на рынок?

– Нет. Постучали в ворота, открыл – человек с мешком. Предложил купить рыбку – по пенни за штуку. Как думаешь, не переплатил?

– Вы заплатили за это пенни? – изумилась Салли, глядя на сковороду.

– За остальные – тоже. Взял три рыбки. Они на леднике лежат, можешь посмотреть.

Салли убежала и вернулась задумчивой. Предложенный ей кусок жевала без аппетита. Зато я не стеснялся – вкуснота! Никакого сравнения с выращенным в садках лососем. Хрен знает, чем там рыбу кормят. Здесь все естественное и поэтому необыкновенно вкусное.

– Скажите, мастер, – спросила Салли после того, как мы позавтракали. – Этот человек... Он еще придет?

– Обещал. А что?

– Купите рыбы для нас. Мы заплатим.

– Ладно! – согласился я. – А пока возьми себе с ледника и отнеси домой. Мне много – пожадничал. Завтра куплю свежей.

– Сколько вам заплатить?

– Отдам в плату за шитье. Идет?

– Да, мастер! – радостно вскочила Салли.

– Только положи рыбу в мешок. Не нужно, чтоб видели. Думаю, тот человек – браконьер.

– Вы же ее купили, – возразила девочка, – так что вашей вины нет. Отвечает тот, кто ловил. Любой стражник подтвердит.

– И все же спрячь! – настоял я.

Салли подчинилась. Как мне показалось, из других соображений. Зачем сдавать рыбные места? Услышат, что здесь такие налимы, – толпой набегут. Пока Салли бегала, я накормил Мирку. Получив кус поросятины, она недовольно глянула на меня.

– Печенка кончилась! – просветил я. – Надо было есть налимью. Она, между прочим, полезная.

Мирка фыркнула и утащила мясо. Вернулась Салли.

– Мать передала вам бобов! – объявила, показав тощий мешочек. – Сварю похлебку. Добавлю мяса – у вас оно есть, будет вкусно.

Я кивнул и отвернулся. Не нужно, чтоб видели мое лицо. Я улыбался. Гордая мать Салли не примет дар, а вот плату... На рынке налим с окунем потянули бы два силли. Вдова заплатит шитьем. Ей это ничего не стоит. А горстка бобов – знак. Дескать, мы не нищие.

Знакомый священник говорил: «Врать грешно! Но если во благо, то можно...»

?

В ворота стукнули после обеда. Сначала раздался топот, затем створки затряслись под ударами. Стража? Кто-то видел, как я таскал рыбу? Плохо... С другой стороны, улики нет. Налима мы доели, остальное унесла Салли.

Напустив на себя гордый вид, я открыл ворота. Это была не стража. Передо мной стоял слуга, с которым я подрался у съёрда. Коричневая рожа, меченная шрамами, выглядела хмурой. В поводу слуга держал оседланных лошадей. Это зачем? Свести счеты и увезти готовенького? Я напрягся.

– Меня послала черра Элтисисьютибет, – поспешил сказать меченый. – Едем со мной, мастер!

– Зачем?

– Съёрду плохо. Второй день, как не приходит в себя. Черра сказала: вы доктор.

Мгновение я колебался. Спасать феодала? Извините, не подряжался! С другой стороны, пока съёрд жив, можно сослаться на его покровительство. Не станет Оливера – стража заинтересуется чужаком. Что тогда? Бежать? Без денег и приличной одежды? К тому же не факт, что в других городах лучше. Здесь вроде бы освоился...

– Подожди меня здесь! – велел я слуге.

В мастерской я торопливо умылся и сменил рубаху. Бросил в сумку мультитул, пистолетный шомпол и шприц-тюбик.

– Закрой ворота и присмотри за Миркой! – велел Салли.

Она закивала. Мы взгромоздились в седла и поскакали в город. Верхом я не ездил давно, но тело вспомнило. Даже протезы не помешали. «Пожалуй, следует купить лошадку, – подумал я. – Путешествовать на ней – в самый раз. Если с пистолетами выгорит, денег хватит. Рысак не нужен, сойдет и кляча...»

Нас встретили у ворот. По лицам слуг читалось: заждались. Коней забрали, и меченный шрамами слуга повел меня вверх по лестнице. На втором этаже он постучал в высокую, украшенную позолоченной резьбой дверь, толкнул ее и

крикнул в приоткрытую створку: «Привел, черра!» После чего уступил мне дорогу. Мне ничего не оставалось, как войти.

Встав у порога, я осмотрелся. Большая комната с огромной кроватью посередине. Кровать завешена балдахином, края которого собраны у витых стоек.

– Проходите, мастер! – раздался женский голос.

У кровати стояли двое. Рыжая дочка съёрда и неизвестный мне грузный мужчина в камзоле и парике. Я подошел ближе. В комнате было сумрачно, но я разглядел: лицо рыжей – измученное. Тип в парике смотрел на меня неприязненно.

– Это доктор Боу, – представила Элизабет.

– Айвен! – кивнул я.

– Вы где учились? – внезапно набросился на меня Боу. – Черра утверждает, что вы врач, но я слышал, что оружейный мастер.

– Врач тоже, – сказал я. – Меня учили лечить. В Москве.

– Не знаю такую! – буркнул Боу.

– Зря! – заметил я. – Много потеряли. В сравнении с Москвой Иорвик – деревня. Даже сарай.

Боу вспыхнул, а я ухмыльнулся. А ну, скажи что-нибудь еще! Рыженькая нахмурилась.

– Моему отцу плохо, мастер!

Я пристыженно опустил глаза. Нашел время задирать хвост! Откуда им знать про Москву? Хотя меня там действительно учили. Правда, больше убивать, чем лечить...

– Отдерните шторы! – велел я. – И принесите свечи. Здесь темно.

Свечи явились скоро. По моей команде со съёрда сняли рубашку, повязку я размотал сам. Оливер на это никак не отреагировал. Он лежал без сознания и хрипло дышал. Так... Края раны – синюшно-багровые, на бинте – следы гноя. Я потрогал лоб старика. Сухой и горячий – температура под сорок. Что имеем? Внутренний абсцесс – воспаление, проще говоря. Клинки у шпаг разбойников были гранеными. Нанесенные ими раны заживают плохо. В моем мире из-за этого запретили игольчатые штыки. Клинок вдобавок занес внутрь грязь, а возможно, что и клочок ткани. Рану следовало почистить, а этого не сделали. Этот Боу... Бычков ему холостить, а не людей оперировать!

– Что скажете? – поторопила рыженькая.

– Рану следует вскрыть и почистить.

– Внутрь попадет воздух, и съёрд умрет! – возмутился Боу. – Больному следует пустить кровь. Дурные соки выйдут, и съёрд поправится.

– Почему думаете, что выйдут? – спросил я.

– Это все знают! – отмахнулся толстяк. – Для того и отворяют кровь.

– Это лучший способ лишить съёрда жизни.

– Я настаиваю!

– Черра! – повернулся я к рыженькой. – Зачем меня звали? Смотреть, как убивают вашего отца? Доктор Боу справится сам.

Толстяк возмущенно засопел. Лицо рыженькой выглядело растерянным. Не хотел бы я сейчас оказаться на ее месте. С одной стороны, всеми уважаемый местный эскулап. В том, что уважаемый, можно не сомневаться. Другого бы не позвали. И сала сколько за счет пациентов нагулял! С другой стороны, я – бродяга, от которого неизвестно, чего ждать. Решай, девочка! Откажешься – CID сэкономлю...

– Ваше лечение поможет отцу, мастер?

Не глупа...

– Обещаю. Более того, съёрд придет в себя, и вы сможете с ним поговорить.

– Делайте! – тряхнула она головой.

Ага! Толстяк, как видно, гарантий не давал.

– Мне понадобятся чистые бинты, иголка с ниткой, желательно шелковой (шелк в этом мире есть – чулки из него были), таз с водой, чтобы помыть руки, мыло или щелок... – Я задумался. От раненого пахло уксусом. Тот, конечно, дезинфицирует, но все же не спирт. – Есть у вас напитки крепче пива и вина?

– Торч! – хмыкнул Боу. – Гонят из ячменя. Та еще дрянь!

– Значит, бутылку торча.

– Лэнс! – крикнула рыженькая.

В дверь заглянул меченый – дежурил в коридоре. Вполне возможно, чтоб разобраться с чужаком, если дела пойдут не так.

– Принеси торч! Немедленно!

Лэнса как ветром сдуло. Пока он и служанки бегали, я отошел к окну, отщелкнул ножнички мультитула и как можно короче остриг ногти. Они отросли и обзавелись траурной каемкой. Нам же операцию делать...

Лэнс явился с бутылкой в руках. Та была заботливо оплетена. Гадость не гадость, но в доме держат. Значит, употребляют. По знаку рыжей Лэнс протянул мне бутылку. Я вытащил пробку и понюхал. М-да... «Сивуха мерзостная», вот как это называется. Выдохнув, я взял бутылку и отхлебнул. Бр-р-р! Однако язык щиплет, процентов двадцать спирта в этом самогоне есть.

– Сгодится!

– Можешь идти, Лэнс! – сказала рыженькая.

– Пусть останется! – возразил я. – Понадобится, чтобы держать съёрда. Черр Оливер может метаться.

Рыженькая кивнула. Пока кипятили инструменты, мы с Лэнсом вымыли руки, закатав предварительно рукава по локоть. Было видно, что Лэнсу это в диковинку. Однако он не роптал и послушно повторял мои движения. Боу глядел с изумлением. Ну да, его этому не учили. Пусть перенимает, кабан – может, хоть кого-то спасет.

После мытья мы протерли руки торчем. Лицо Лэнса выражало изумление. Ну да, торч предназначен для другого применения... Смочив салфетку, я обработал сивухой операционное поле. Запахло так, что захотелось чихнуть. Тем временем принесли инструменты – в кипятке, как я и просил. Слив воду из кастрюли в таз, я взял мультитул. Тот был горячим. Дав указания Лэнсу, я отщелкнул лезвие и сделал глубокий разрез. Из раны вытекла перемешанная с гноем кровь. Я промокнул ее салфеткой, отложил мультитул и взял зонд. Тот вошел в рану, и старик замычал и задергался. Лэнс держал его крепко. Из раны хлынула кровь, выплеснув наружу темный сгусток. Вот он, источник воспаления! Я убрал его салфеткой и вновь поработал зондом. Сгустков более не оказалось, гноя – тоже. Вытекающая из раны кровь выглядела здоровой. Я бросил зонд в кастрюльку. Теперь – иголка. Полностью зашивать рану не нужно, оставим сток. Забинтовать...

Закончив перевязку, я наклонился над раненым и потихоньку вколол ему CID. Никто этого не заметил. Лэнс отошел, а рыженькая с доктором стояли за моей спиной. Лекарство подействовало мгновенно. Щеки Оливера порозовели, и он открыл глаза.

– Айвен?

– К вашим услугам, черр!

– Папа!

Рыженькая метнулась к раненому, едва не сбив меня с ног.

– Бетти... – Съёрд поднял руку и погладил дочь по щеке.

– Я пригласила мастера Айвена лечить тебя! – стала объяснять рыженькая. – Он помог.

– Умница! – одобрил старик. – Хорошо, что не обратилась к Боу.

Толстяк за моей спиной засопел. Я усмехнулся и отошел в сторону. Пусть съёрд полюбуется! Ополоснув руки в тазу, я вымыл окровавленный инструмент и сложил его в сумку. Все. Более не нужен.

...Рыженькая догнала меня внизу.

– Мастер!

Я обернулся.

– Вот! – она протягивала мне тяжелый кошелек.

– Сколько здесь? – поинтересовался я.

– Пятьдесят силли.

– Это очень много, черра!

– Боу требовал сто. Папа сказал: ему и пяти много. Решили заплатить поровну.

И, главное, по справедливости! Один лечил, второй смотрел, а перед этим пытался больного убить. Ладно, мы не гордые. К тому же деньги не помешают.

– Благодарю, черра!

Я взял кошелек.

– Храни вас Спаситель, мастер! Я не забуду, что вы сделали!

Она всхлипнула и убежала. Хм! А девчонка-то не конченная. Наверняка сидела ночами у постели отца. Хотя какие-то чувства у них есть.

Я повернулся и вышел во двор. Там никого не было. А где Лэнс с лошадьми? Мне топтать пешком? Ладно, дойду. Мавр сделал свое дело – пусть катится. Нечего привередничать. Тем более, я теперь богатый.

Глава 5

Лэнс навестил меня спустя несколько дней. Вошел в распахнутые ворота и застыл, наблюдая, как Мирка с девочками носится по двору. В руках гость держал мешок.

При виде меченого я насторожился. Чего им еще? Увидев меня, Лэнс подошел ближе.

– Мое почтение, мастер Айвен!

– И вам того же! – отозвался я. – Чем могу служить?

– Я... Это... – заговорил Лэнс, и я с удивлением заметил, что он смущается. – Вот!

Он полез в мешок и вытащил уже знакомую мне бутыль.

– Тогда у съёрда я заметил, что вам понравился торч.

Я закусил губу, чтоб не рассмеяться.

– Салли!

Девочка остановилась и повернулась к нам.

– Принеси поросятины и яиц.

Она убежала, а я жестом пригласил Лэнса в дом. Там усадил за стол и снял с крюка медную сковороду. Я закалял детали и вышел во двор подышать, так что горящие угли в горне остались. Сунув в них сковородку, я бросил на нее куски мяса. Поросятина зашипела. Дав ей подрумяниться, я перевернул куски ножом и стал бить яйца.

Миллионы людей умеют готовить яичницу, но мало кто знает, как делать это правильно. Рецепт прост: не жалейте заварки для чая! Правильная яичница должна жариться на свежатине и толщиной быть в два пальца. Под самогон такое блюдо – самое то. Салли тем временем нарезала хлеба, подала ложки и расставила кружки. Умная девочка: дважды объяснять не нужно. Я бросил на стол обрезок доски и шлепнул на него сковороду со скворчащей яичницей. Лэнс водрузил на стол бутылку и потянулся к пробке.

– Погоди!

Он удивленно замер. Я принес из комнаты такую же бутылку, достал пробку и плеснул в кружки.

– Попробуем сначала моего!

Лэнс насупился, но кружку взял.

– Будем здоровы!

Лэнс сморщился, прикрыл глаза и потянул напиток из кружки. Я следил с улыбкой. Где-то на середине процесса Лэнс открыл глаза, затем оторвал от губ кружку и с удивлением в нее заглянул.

– Это что, мастер Айвен?

– Нравится?

Вместо ответа он торопливо допил и поставил кружку на стол.

– «Слеза Спасителя», вот как я это назову! – воскликнул Лэнс. – Можно пить, словно воду, но я чувствую, как щиплет язык, а по жилам бежит кровь. Словно заново родился! Что это за напиток, мастер?

– Я зову его «виски», хотя «Слеза Спасителя» звучит лучше.

– За такое название вас заточат в обитель, – вздохнул он. – Где вы купили это, мастер?

– Сделал сам.

Он недоверчиво посмотрел на меня. Я усмехнулся.

– Все просто, мастер Лэнс. Я беру ваш торч и очищаю его древесным углем. Получается виски.

– Покажете? – взмолился он.

– Обязательно. Но сначала поедим.

Лэнс нахмурился, но подчинился. Яичницу брал неохотно, при этом нетерпеливо поглядывал на меня. Я делал вид, что не замечаю. От следующей порции виски Лэнс, однако, не отказался и в этот раз цедил ее, смакуя. По лицу было видно: выпивка доставляет ему неизъяснимое удовольствие. Поставив кружку, Лэнс вновь уставился на меня. Я понял, что он не отвяжется, и встал. Принес из спальни тряпицу, набросал в нее из мешка древесных углей, сложил и легонько постучал молотком сверху, чтобы уголь измельчился. Получившийся фильтр сложил в медную лейку. Я уже говорил, что у покойного Клауса, кажется, было все? Лейку сунул в кувшин и поставил его на полу. Затем заменил пробку в бутылки Лэнса. Моя была выточена из дерева, по центру высверлено отверстие, куда вставлен полый стержень от гусиного пера. Бутыль заняла место на специально сделанных для этого салазках. Тонкая струйка жидкости протекла сквозь перо и устремилась прямо в лейку. В мастерской запахло сивухой.

– Вот и все, – сказал я Лэнсу, маячившему за моим плечом. – Остается подождать.

Мы вернулись к столу, где доели яичницу. Все это время Лэнс не сводил взгляд с фильтрационной установки. Вздохнув, я встал и прервал процесс.

– Вот!

Я протянул кувшин собутельнику. Внутри болталось чуть-чуть жидкости.

Лэнс схватил кувшин.

– Виски еще с углем! – остановил я. – Ему бы отстояться.

Не слушая меня, Лэнс вылил жидкость в рот. Замер, прислушиваясь к ощущениям.

– Хорош! – заключил, выдохнув. – Хотя ваш торч лучше.

– Я фильтровал его дважды и дал отстояться.

– Но даже такой можно продавать по пенни за кружку, – как будто не слыша меня, продолжил Лэнс. – Пойдет нарасхват. Мастер Айвен! На этом можно озолотиться!

– Не получится! – возразил я. – Через месяц – другой секрет узнают.

– Смотря как хранить! – не согласился он. – Мастер, я предлагаю вам сделку. Мы откроем лавку и станем продавать ваш торч. Доходы – пополам! Или вы хотите больше?

– Нет! – покачал головой я. – У меня нет времени и желания этим заниматься. Подсказать, проконсультировать – пожалуйста, но не больше. Все остальное – ты сам. Идет?

Я протянул руку, и он ее с чувством пожал. Бутыль заняла прежнее положение, а мы вернулись к столу, чтобы обмыть сделку. В ходе процесса я узнал много интересного. Лэнс появился в мастерской не просто так – искал защиты от Бетти. Узнав, как Лэнс поступил со мной в первый день, она пообещала конюха выгнать. Он нарушил волю ее отца! Злючка рыжая! Лэнс обязан был

разобраться – он ведь старший в дворне, к тому же бывший пикинер. Да, он был груб, но обстоятельства того требовали: погибли люди съёрда! В конце концов, мастер Айвен сам его наказал. Рыжая вообще много на себя берет: ругает своего верного слугу почем зря. Старому солдату, видишь ли, выпить нельзя! Он лил кровь за короля, весь изранен, и раны у него болят. Только выпивка и спасает. Черре этого не понять, она вообще жизни не видела. Лэнс не боится ее угроз. Как поступать со слугами, решает съёрд, а Лэнса он ценит. Столько раз расспрашивал его о битвах! Однако съёрд, хоть и поправился, но пока слаб. Всем заправляет рыжая, а от нее можно всего ожидать. Сегодня снова грозилась выгнать. Узнала, что не подал мастеру лошадь для возвращения домой. Лэнс собирался ее подать, просто не успел. Он переживал за съёрда, поэтому забежал на кухню и хлебнул глоток торча. У него сердце болело: не каждый день видишь, как хозяина режут. Он хоть и солдат, но натура у него чувствительная. Рыжей этого не понять. Она кричала на него, даже ногами топала. Поэтому Лэнс просит заступиться. Пусть мастер скажет, что сам захотел пешком. Лэнс знает, что мастер – добрый человек. Он угостил его замечательным напитком. Чистым, как слеза Спасителя, и мягким, как облака на небесах. На этом виски можно заработать горы силли. Теперь они с Мэгги заживут! Кто такая Мэгги? Кухарка съёрда. Очень обстоятельная девица, и денежки у нее есть. Лэнс звал ее замуж, но Мэгги не соглашается. Говорит, ей нужен серьезный мужчина, а Лэнс – пьяница. Но разве это правда? Пусть мастер Айвен скажет! Старому солдату чуток выпить – не грех. Ведь так?

– Вот что, партнер! – сказал я, когда Лэнс завершил монолог. – Пришли ко мне Мэгги.

– Зачем? – удивился слуга.

– Скажу, какой ты замечательный человек.

– Айвен! – он стукнул себя в грудь. Та загудела. – Да я для тебя!..

– Думаю, стоит взять ее в дело, – продолжил я. – У нее есть деньги, а они понадобятся, чтобы открыть лавку. Будет ваше семейное предприятие. Я стану получать свою долю – только и всего.

Лэнс издал вопль и полез обниматься. Выпроводить его удалось нескоро, пришлось пожертвовать бутылью виски: я держал спиртное для медицинских

целей, но решил, что нафильтрую еще. Лэнс нежно, как ребенка, прижал бутылку к груди и ушел, покачиваясь. Я подумал, что он забудет о разговоре, но ошибся. Мэгги пришла к вечеру. При виде ее я присвистнул. Девушка гренадерских статей! Мэгги потребовала показать ей процесс, сняла пробу с нефильтрованного торча, а затем – с того, что из него вышло.

– Виски, который принес Лэнс, лучше! – заявила, подозрительно глянув на меня.

– Я фильтровал его дважды. Лэнс этого не сказал?

– Пусть так, – возразила Мэгги. – Но я считаю, что половина доходов за то, что вы показали, как чистить торч, слишком много. Мы с Лэнсом вкладываем денежки, ведем торговлю, а вы, ничего этого не делая, получаете половину. Хватит и десятой части!

Я мысленно усмехнулся. Лэнс не соврал: «обстоятельная» девушка!

– Вы правы, уважаемая! Способ очистки – это мелочь. Покупать торч и очищать его глупо. К тому же секрет разнюхают. Если браться за дело, то всерьез. Виски следует гнать самим. Ваш способ не годится, потребуется другой аппарат. Я знаю, как его сделать. Это раз. Второе. Мне известны десятки сортов виски. Среди них есть достойные благородных червов. А они – лучшие покупатели.

– Половина – много! – не соглашалась Мэгги.

– Пусть будет треть! – уступил я. – Нас трое, так что всем поровну. В противном случае найду других.

Мэгги поджала губы. Я сдержал улыбку. Плевать мне на размер доли. Я не собираюсь открывать в Запасном мире бизнес. Меня или заберут обратно, или грохнут прямо тут. Гнать здесь самогон... Но уступать Мэгги было нельзя – перестанет уважать.

– Ладно! – вздохнула «обстоятельная». – Но мы закрепим наше соглашение на бумаге. Вы сделаете аппарат и напишете рецепты. К тому же не станете передавать секрет другим.

– Заметано! – согласился я.

– Тогда – до завтра. Сегодня не получится: Лэнс напился и спит. Хорошо, что он сразу пошел ко мне. Я отобрала и спрятала бутылку. С него стало бы всех угостить. Они бы распробовали и захотели узнать секрет. Вы не передумаете, мастер?

– Не сомневайтесь! – заверил я.

Мэгги заулыбалась.

– Только вот что, – добавил я. – Меня тревожит Лэнс. Боюсь, что он будет не столько продавать, сколько употреблять виски.

– Насчет этого не беспокойтесь, мастер! – усмехнулась Мэгги и продемонстрировала кулак величиною с голову младенца. – Пока он увивался за мной, я не могла его тронуть. В Иорвике с этим строго. Мигом потащат в суд и присудят штраф. А вот мужа бить можно – это семейное дело.

Я мысленно пожалел Лэнса. Сладкая жизнь для него кончилась. С другой стороны, сам выбирал...

– Вы замечательная девушка, Мэгги! – сказал я. – Завидую Лэнсу. Почему не встретил вас раньше?

Мэгги покраснела, погрозила мне пальцем, но к воротам шла, вихляя задом. Я улыбнулся и кликнул Салли. Та помыла посуду, после чего, забрав Нэнси, отправилась домой. А я, затеплив свечи, завалился читать. Библиотека Клауса оказалась находкой. Сборники указов королей, исторические легенды, геральдические справочники, сведения о родовых древах знатных людей... Идеальный подбор для разведчика, изучающего страну. В Алитанию мой предшественник прибыл не за куском хлеба. Оружейным мастерам в Глене и без того неплохо. Однако Клаус привез оборудование, построил мастерскую... Спрашивается, зачем? Иорвик – небольшой город, здесь мало заказов. Зато неподалеку гавань, где удобно высадить десант. Так, к слову, и произошло. Планы мятежников сорвал случай. Столица направила в Иорвик полки. Официальный повод – маневры, на деле – подкормиться. В провинции много хлеба, и он дешев. В Алитании так поступают часто. Полки прибыли, узнали про

десант и мгновенно выдвинулись. Мятежники не успели развернуть войско... Это сообщил мне Тибби. Собрал богатые трофеи, полки ушли. Дело, за которое умер Клаус, провалилось.

Я читал допоздна. Отложил книгу, только почувствовав резь в глазах.

?

Разбудил меня свет. Открыв глаза, я недоуменно уставился на ярко-белый шар над кроватью. Так... Походная, воздушная лампа HS-10, в просторечии «светляк». Лучший друг путешественника и солдата. В неактивном состоянии представляет собой кружок пластика, который нужно подержать между ладоней, а затем подбросить вверх. HS-10 активируется и повиснет в воздухе, давая свет на протяжении нескольких часов. Чтобы его погасить, достаточно вновь подержать в ладонях. Я вижу сон?

Опустив взгляд, я различил у кровати молодую и очень красивую женщину. Миндалевидный разрез глаз, но сама радужка не темная, как это бывает у азиатов, а изумрудного цвета. Изящный носик, красиво очерченные, волевые губы, высокий лоб в обрамлении каштановых волос... Личико не фарфоровое, словно у восточных красавиц, но и не тяжелое, будто у европейек. Кровь двух рас, слившись в этом облике, образовала гармоничный сплав. Я сплю?

Первой опомнилась Мирка. Она рванулась к гостье и, прыгнув той на плечо, закружилась вокруг точеной шейки. При этом Мирка взвизгивала и восхищенно тьякала. Затем она растянулась на груди женщины, раскинув в стороны лапки, будто говоря: «Это мое! Никому не отдам!»

– Мирочка! – умиленно произнесла гостья. – Маленькая моя! Соскучилась?

Горностайка стрекотнула и томно прикрыла глазки.

– Катя!

Я сунул ноги в протезы и соскочил на пол. Подхватив гостью на руки, закружил по комнате. Мирка возмущенно чирикнула: дескать, оставь! и приподнялась на лапках.

– Пусти! – Катя уперлась руками мне в грудь. – Мирка ревнует!

– Собственница! – возмутился я. – А мы, значит, не люди?

– Она больше соскучилась. Не мешай! Никуда я не денусь.

Я усадил Катю на кровать и некоторое время смотрел, как девочки милуются. Наконец, они натешились, и Мирка свернулась клубком на коленях гостыи.

– Как ты меня нашла? – спросил я.

– Ты поглупел! – хмыкнула Катя. – У тебя же маяк в сканере.

Я почесал в затылке – и вправду. Черт бы подрал этот Запасной мир! Мигом отвыкаешь от цивилизации. Совсем забыл про порталы. Эффект Перехода на Земле открыли давно, и случилось это как нельзя вовремя. Космические программы уперлись в тупик. Как ты ни совершенствуй носители, но в результате получаешь ракету разового действия, цена которой выражается цифрой со многими нулями. Космические зонды, отправляемые в пределах Галактики, стоили, как ювелирные изделия, осыпанные бриллиантами. Некогда так было с поршневыми моторами для самолетов. Повышали их мощность, вылизывали фюзеляжи, но настоящий прорыв случился с появлением реактивной тяги. Нечто подобное произошло с порталами. Поначалу их пытались использовать взамен пассажирских авиалиний. Не пошло. Порталы потребляли прорву энергии, и переброска людей не окупала затрат. Тогда порталы оставили руководителям государств: им надо перемещаться быстро, а расходы на это не так важны. Изобретатели занялись космосом, и здесь их ждал успех. Порталы оказались дешевле ракет, а в исследовании планет их эффективность и вовсе зашкаливала. Запасные миры стали открывать один за другим. По этому поводу ООН приняла специальное постановление. Миры ставили на учет и запрещали их колонизировать. Их хранили в предвидении окончательного истощения ресурсов Земли или возможного переселения людей в случае гибели планеты. Миры разрешалось исследовать и использовать для ссылки преступников. Практика показала, что последнее безопасно и эффективно. Ссылные не выживают...

– Тебе не следовало приходить, – сказал я. – Проход отследят.

– Я из кабинета отца, – усмехнулась она.

А этот не отследят? Наивная! Все под контролем.

– Хоть бы поцеловал! – укорила Катя.

Я обнял ее за плечи и поочередно коснулся губами щек. Она в свою очередь смачно чмокнула меня в губы.

– Колешься! – пожаловалась недовольно.

– У меня нет бритвы. К тому же здесь носят бороды.

– И пил, – укорила она.

– Чуть-чуть! – сказал я. – Хороший человек в гости зашел. Посидели слегка.

– Ага! – не поверила она. – Знаю я вас! Чем ты занимаешься?

– Всем понемножку. Гоню самогон, браконьерничаю, дерусь с аборигенами и ухлестываю за девушками гренадерских статей. Им нравится.

Катя прыснула.

– А если серьезно?

– Оружейный мастер. В настоящее время исполняю заказ: ремонтирую кремневые пистолеты.

– Железки ты любишь, – согласилась Катя. – С детства. Помню, как роботессу мою испортил.

– Я ее починил!

– Ну да! – возмутилась она. – Бедняжка всего лишь заикалась. После ремонта перестала, но вместо того, чтоб ласково будить меня по утрам, стала срывать

одеяло и кричать: «Подъем!» После чего требовала, чтоб я делала зарядку. При этом гундела и гундела, не слушая моих возражений.

Я ухмыльнулся. А что? Здорово получилось.

– В результате ты выросла такой стройненькой! Глаз не отвести. Скажи после этого, что я тебя не люблю!

– Сейчас заработаешь! – замахнулась Катя. Я с деланным испугом прикрылся ладонью.

– Не притворяйся! – укорила она. – Знаешь ведь, что не ударю. Можно?

Она протянула руки. Я прикрыл глаза. Теплые подушечки пальцев коснулись моих висков. Я сосредоточился, подключая мнемозапись. Начнем с того места, как я оказался в Запасном мире. От Кати скрывать нечего.

Подушечки стали горячими – скачивание пошло. Пара секунд – и виски отпустили: имплант у Кати стоял мощный. Я открыл глаза. Катя сидела, уткнувшись лицом в ладони – просматривала. Это она с детства так. Мирка на ее коленях шевельнулась и тоненько заскулила. Чувствует эмоции. С чего это? Ничего особенного не было. Это не Хайберда. Там даже я блевал.

Катя опустила ладони и покачала головой.

– И здесь повоевал!

– У меня не было выбора.

– Был! – покачала она головой. – Мог отойти в сторону и не лезть. Вдруг убили бы?

– Их было пятеро и с холодным оружием. Ерунда!

– А если б десять и с заряженными пистолетами? Ведь ты не знал, сколько их, когда бежал на холм?

Я потупился.

– Когда ты повзрослеешь?!

– Интересно слышать это от младшей сестры.

– Я совершеннолетняя!

– Но все еще лазишь через отцовский портал. Между прочим, запрещено.

– Нашел с чем сравнить! – замотала она головой. – Ладно! Кто эта девочка?

– Которая?

– Рыженькая!

– Дочь местного феодала. Прежний король подарил ему Иорвик. За что – неизвестно, но угадать можно: прогнулся. Бетти – так он ее зовет – единственная наследница.

– Ты ей нравишься.

Я хмыкнул.

– Ну да! – вздохнула Катя. – Кому я это говорю? Разве это меня встречали плакатами: «Женись на мне»?

– Я здесь никто.

– Не прикидывайся! Поставь себя на место девочки. Она живет в уютном мирке. Всех огорчений – пересоленная еда или не выглаженное платье. А тут нападение разбойников и угроза жизни. Ее могли изнасиловать, что, по местным представлениям, хуже смерти. И вдруг являешься ты, весь из себя прекрасный и загадочный. Убиваешь разбойников, спасаешь девочку. Не удивительно, что она запала. Будь осторожен. Эта рыженькая непроста. Запустит коготки – не вырвешься!

– Не беспокойся! – хмыкнул я. – Здесь сословное общество. Дочь феодала – не пара простому оружейнику.

Сестрица покрутила головой.

– К тому же, – добавил я, – единственная, кого я люблю, это ты...

– Жаль, что нам нельзя пожениться, потому что мы брат и сестра! – закончила она, и мы одновременно рассмеялись.

– Как родители? – спросил я, когда смех стих.

– Мама здорова, а вот отец...

Она погрустнела.

– Плох?

– Врачи говорят: от силы год.

– А пересадка?

– Не вынесет операции. Организм изношен. Стресс... Последние годы – сплошные огорчения. В том числе – ты.

– Я не его сын.

– Он любит тебя.

– Поэтому меня посадили? С парнями, чтоб не скучал?

– Вам предлагали помилование.

– Если признаем вину. Не притворяйся! Ты же видела мнемозапись. Резню в Хайберде устроили не мы. Но осудили за это нас – по сфабрикованному обвинению. Он не вмешался.

– Не мог. Сочли бы, что выгораживает пасынка. Это недостойно.

– Поправь меня, если ошибаюсь. Защитить невиновных – это недостойно. А вот посадить их в тюрьму – правильно и честно. Так принято в империи? Лицемеры!

Я встал и прошелся по комнате. За спиной всхлипнули. Я обернулся. По щекам Кати текли слезы. Я метнулся к ней и стал осторожно стирать их пальцами. Мирка, тревожно чирикавая, вскочила сестре на плечо и стала лизать ей щеку.

– Я тебя очень люблю! – сказала Катя, успокоившись. – Но и папу – тоже. Вы оба хорошие. Но я не знаю, как вас помирить. Сердце разрывается...

Я сел рядом и обнял ее. Она уткнулась мне лицом в грудь.

– Отец не знал, что вас мучили, – сказала она тихо. – Его обманывали. После захвата Рудника начали следствие: кто и почему вынес неправосудный приговор? Но тебя успели осудить и выпихнули сюда. Прокурор принес протест, сейчас с этим разбираются, но, сам понимаешь, пройдет время...

– Кто за этим стоит?

– Не знаю! – вздохнула она. – Отец – тоже. Однако думаю, что догадывается. Он перестал принимать Пальмера.

– Значит, Тайный Совет...

– Может, да, а может, и нет, – в рифму возразила она.

– Ладно! – сказал я. – Подождем. Что с парнями?

– После твоего осуждения их отправили в Россию отбывать срок. У нас с ней есть договор о правовой помощи.

– И как? – заинтересовался я.

– Из России выслали самолет. К трапу парней привели в тюремных робах. Но в московском аэропорту они вышли в военной форме – ее привезли в самолете. От трапа расстелили дорожку, оркестр играл марш. Министр обороны лично обнял каждого. После чего их повезли в Кремль, где президент вручил им ордена.

– Как восприняли это в империи?

– Был дикий скандал. Премьер-министр обвинил Россию в неисполнении договора. Русский премьер в свою очередь заявил о начале расследования фальсификации доказательств, касающихся русских миротворцев, и вынесения в отношении них неправосудного приговора. Тех, кто вел следствие, а также экспертов, прокуроров, судей, вынесших приговор, объявили в международный розыск. Их арестуют, если они покинут пределы империи.

– Поделом! – заметил я.

– Отец очень переживает! – вздохнула Катя. – Мать плачет. За что это нам?

Я знал ответ на этот вопрос, но промолчал.

– Как Эдди? – спросил, чтобы сменить тему. – Не женился?

– Нет.

– Пора бы! Сорок лет.

– Ему некогда: занят гонками, – Катя вздохнула. – Еще он воюет с парламентом. Обещает распустить.

– Не позволят. Это ему не гонки.

– Эдди думает иначе.

– Пусть бы и дальше гонял. Наследовать отцу следует тебе.

– Я третья в очереди.

– Вторая. Меня можно не считать.

– Это как решат.

– Приемный сын, к тому же русский. Осужденный за бойню... Смешно!

– Ты не прав! – возразила Катя. – Твои парни дают интервью, рассказывают, как было. Сеть кипит. Наши пытаются возражать, но выглядят жалко. Многие в империи на твоей стороне. Рано или поздно приговор отменят. Тебя ждет триумфальное возвращение.

– Что с того? – хмыкнул я. – Первый все равно Эдди. А вот я выбрал бы тебя. Из нас троих ты самая лучшая. Умная, красивая, талантливая. Золотая девочка империи.

– Не подлизывайся! – фыркнула Катя.

– Чистая правда! – возразил я.

– Все равно не выйдет! – вздохнула она. – Если ты второй, то я – третья... Лучше скажи, что нужно? Оружие, золото, охрана? Есть люди, готовые переправиться сюда, у всех отменная подготовка. Никого не уговаривала, сами вызвались.

– Не стоит, – сказал я. – Необычное оружие, плюс охрана... Нарвусь на конфликт. Я здесь освоился, живу тихо.

– Я знала, что не пропадешь! – согласилась Катя. – Имплант помог?

– Так это ты позаботилась? – удивился я.

– Кто ж еще! – усмехнулась она. – Военный чип достать не удалось. Для этого нужно было задействовать связи, а время поджимало: тебя вот-вот должны были отправить. Поэтому взяла гражданский и усовершенствовала. Программы сама подбирала. Они хоть и школьные, зато подробные. Мультитул, лекарства... Я – не отец, поэтому могу себе позволить помочь осужденному. Нашлись люди, передали. Труднее было с местом ссылки. Но программисту заплатили, и он ввел код. Это лучший из Запасных миров. Мягкий климат, людская раса и хоть какая,

но цивилизация. Не динозавры!

– Спасибо! – Я чмокнул ее в щеку. – Найдешь жениха, предупреди: пусть только попытается обидеть! Голову оторву!

– Ну, сказанул! – Катя засмеялась. – Сама справлюсь. Ладно! Что еще?

– Лекарства! – попросил я. – Побольше! Здешняя медицина – мрак! У меня остались всего три шприца.

– Больше пяти ты бы не пронес. Сочли, что хватит на первое время. Жди здесь!

Она повернула браслет. С тихим звоном открылся портал. Катя сунула мне Мирку и шагнула в сверкающие ворота. Портал мигнул и погас. Мирка горестно зачирикала.

– Она вернется! – погладил я горностайку. – Непременно!

Мирка вздохнула и лизнула мне руку. Я опустил ее на кровать и оделся. С сестрой можно и в рубашке, перед другими нельзя.

Катя вернулась скоро. Шедшие следом слуги внесли в комнату коробки и поклонились. Я пожал им руки. Они кивнули и ушли.

– Держи! – Катя протянула мне браслет. – Это запасной. На всякий случай.

– Нет! – сказал я. – У меня маяк. Если пройду в портал, немедленно отследят. Задержат и станут разбираться. Пока приговор в силе, я преступник, и мое возвращение – побег. Разразится грандиозный скандал. Твоя репутация пострадает.

– Пусть! – сказала она. – Зато тебя спасу.

– Мне ничто не угрожает.

– Ваня!..

Катя всхлипнула. Я обнял ее и стал утешать. Мирка присоединилась. Вдвоем мы успокоили сестру. Расцеловав нас на прощание, Катя ушла, оставив «светляк», а я стал сортировать содержимое коробок. Помимо лекарств, там оказались хирургические инструменты, перевязочный материал, экспресс-анализатор биологических жидкостей – компактный и универсальный, «светляки»... Катя не забыла даже про носки для культей. Теперь заживем! Замечательная у меня сестренка!

Затем я долго лежал без сна. Мирка, свернувшись на моей груди, тоже не спала. Время от времени она тихонько поскуливала. Наверное, тоже вспоминала...

В первой трети двадцать первого века на политической карте Земли появилось новое государственное образование – Соединенная империя государств Европы и Японии, сокращенно – СИГЕЯ. Оно возникло по инициативе правых партий Европейского союза, получивших большинство в объединенном парламенте. К удивлению «демократического» лагеря, народы Европы идею поддержали. Самый высокий уровень жизни в ЕС наблюдался в конституционных монархиях, так почему бы не попробовать? Внешне перемены не выглядели радикальными. Номинальной главой тогда еще ЕС становился монарх – только и всего. Первого короля объединенной Европы избрали самым, что ни на есть, демократическим образом: путем всеобщего и тайного голосования. На выборах с большим отрывом победил ставленник Правого альянса, молодой герцог Люксембургский, к тому времени даже неженатый. Вездесущие эксперты тут же разъяснили – компромиссная фигура. Ждать великих деяний от Жана I не стоит. Эксперты, как водится, ошиблись...

Через год после коронации Жан I посетил Японию. Ритуальный визит, как все посчитали, имел неожиданное завершение. В Брюссель император вернулся в сопровождении девушки с милым личиком. Ее звали Кико. Полностью: Ее Императорское Высочество принцесса Японии. Парламенту Жан представил Кико как будущую супругу.

Мир выпал в осадок. Никогда прежде короли Европы не брали в жены японских принцесс. Не потому, что не хотели – японцы не отдавали. Сеть накрыла волна слухов. Одни порталы толковали о любви, другие – о заговоре. Детали выяснились позднее. План династического союза разработал Правый альянс. Переговоры шли долго, но стороны договорились. Объединение стран давало многое. Япония получала обширный рынок, ЕС – доступ к передовым технологиям. Однако японцы выдвинули ряд условий. Объединенная страна

трансформировалась в империю, император получал властные полномочия. Династии сливались в одну. Жан брал в жены японскую принцессу, его примеру должен был последовать и его сын. В случае, если родится дочь, она выходила замуж за японского принца. При отсутствии наследников Соединенную империю возглавлял император Японии. Над последним пунктом долго спорили, но после дебатов утвердили. Цель оправдывала средства.

Европа стала отслеживать новости из дворца. Сообщение о беременности Кико вызвало ликование. Рождение принца – восторг. В Европе радовались: будущий император – свой. Японцы улыбались. Когда сын Жана подрос, стало ясно, почему. Лицом и фигурой Анри походил на деда по линии матери. Кико вдобавок обучила его манерам и языку своей родины. Европа погрузилась и смирилась. В конце концов, на языках Европы Анри говорил не хуже.

Создание империи вывело Европу в мировые лидеры. На мировой сцене возникло образование, передовое по экономической мощи и политическому влиянию. Объединенная евройена стала мировой валютой. Одна за другой стали гаснуть войны. Империя желала торговать, а не разжигать конфликты. Воюющие страны – плохие покупатели. У них разваленная экономика и мало денег. США пробовали возражать, но на них цыкнули. Идея атлантизма в Европе приказала долго жить, былой гегемон на континенте не котировался. Евройена стала вытеснять доллар из мировой торговли. США рухнули в кризис.

Жан умер в пятьдесят лет от аневризмы аорты. На престол взошел Анри. Так же, как его отец, он женился на японке. Брак вышел неудачным. Родив наследника, супруги отдалились. Каждый жил сам по себе: император правил, Митико занималась благотворительностью. В одной из поездок ее вертолет попал в бурю. Его обломки и тела пассажиров спасательная экспедиция нашла через два дня. Но об этом вскоре забыли – война...

Недовольные потерей влияния США стали разжигать конфликты. Волей-неволей империи пришлось втягиваться. В этот период случилось маленькое, но трогательное событие. Император принимал во дворце семьи миротворцев. Этому предшествовала трагедия. Банда исламистов в Ираке напала на гарнизон империи. Осажденные запросили помощи. Неподалеку двигалась колонна русских. Повернув машины, она помчалась к городу. Успела вовремя: гарнизон держался из последних сил. Неожиданный удар в спину разметал фанатиков. Однако бились они насмерть. Погибло пятнадцать русских миротворцев. Империя наградила их орденами – посмертно. Родственников героев пригласили

во дворец. Император подходил к ним, говорил положенные в таких случаях слова и вручал награды. Среди гостей выделялась одна пара. Красивая зеленоглазая женщина в черном платье и мальчик лет четырех в костюмчике. Он стоял строгий и серьезный. Когда император приблизился, мальчик поднес ладонь к виску. Анри козырнул в ответ, наклонился и прикрепил орден к пиджачку мальчика. Большой и тяжелый, тот оттянул ткань. Мальчик приподнял орден и стал его разглядывать. Награда поблескивала эмалью и колола пальцы. Я хорошо запомнил эти ощущения. Этим мальчиком был я.

Эти кадры обошли мир. Скоро о них вспомнили – по другому поводу. Мир облетела сенсация: Анри женится. С невестой познакомился на приеме. Она русская, вдова капитана Нагайкина... Вспыхнул скандал. Его замяли. Двор объявил, что договор с Японией не нарушен. Трон унаследует принц Эдуард – сын японки, остальное – дело частное.

В ту пору я был мал, чтобы понять происшедшее. Запомнился сердитый голос деда, который что-то выговаривал матери, ее слезы при нашем расставании. Мать уехала, а я остался. Позже я узнал, что дед меня не отдал. Он был суров, мой дед Иван, хотя я запомнил его другим. В его доме меня окружала любовь. В праздники дед выпивал чарку и доставал из потертого футляра древний баян. Других инструментов он не признавал. Растянув мехи, дед запевал:

Ты ждешь, Лизавета,
От друга привета,
Ты не спишь до рассвета,
Все грустишь обо мне.
Одержим победу,
К тебе я приеду
На горячем вороном коне...

Песня, такая же древняя, как баян, заполняла дом, и глаза бабушки влажнели. Много позже я узнал, что на Третьей Кавказской войне рота деда попала в засаду и сутки отбивалась от банд. Перед лейтенантом Нагайкиным взорвалась мина, осколки распахали ему лицо. Один выбил ему глаз. Подоспевшая, наконец, помощь помножила банду на ноль, деда увезли в госпиталь. Придя в себя, он

разглядел в зеркале свое лицо и попросил друга сообщить невесте, что погиб.

Со студенткой Лизой Иван Нагайкин познакомился в социальных сетях. Съездил к ней на родину – в маленький белорусский городок на реке Проня, где симпатичная студентка проживала с родителями. Им лейтенант дочки глянулся, и они ему – тоже. Сговорились о свадьбе. Планировали ее на осень, но тут война...

Друг не послушал Ивана и написал Лизе правду. Невеста примчалась в госпиталь и первым делом назвала жениха «козлом». Потом они помирились, и бабушка увезла деда к себе. Через год у них родился сын Петр – мой отец.

Подростком я как-то спросил деда: откуда у него, уроженца средней полосы России, казачья фамилия?

– Она не казачья! – сказал дед. – Хотя наши предки служили атаману Платову. Ходили с ним на Париж. Мы из ногоев – тех, что приняли подданство Российской империи. Когда предки крестились, им дали фамилию по роду. С тех пор и пошло.

У деда и вправду были высокие скулы и раскосые глаза. А вот отец их не унаследовал. Лицом он пошел в мать, как и я впоследствии.

Мы стали жить втроем: дед, я и бабушка. Нам было хорошо. С мамой мы говорили по видеофону, и я не грустил. Спустя год мы сели в самолет и полетели в Брюссель. Там нас привезли во дворец, где встретили незнакомые люди. Они улыбались и что-то говорили, но я не слушал. Вместо этого разглядывал лепнину на потолках и резную мебель. Потом к нам вышла мама с большим свертком в руках. Мне дали его подержать. Сверток был теплым и тяжелым. Из кружевных пеленок выглядывало красное, насупленное личико.

– Это твоя сестричка! – сказала мать. – Ее зовут Катя.

Сестричка открыла глазки и улыбнулась. Я обрадовался, но тут сестричка заревела, и ее у меня забрали. Мы погостили в Брюсселе и вернулись домой. Вскоре я пошел в школу, а затем умерла бабушка. Смерть сына и замужество невестки подкосили ее. После похорон в доме появились люди. Они говорили с дедом в другой комнате, но я слышал, как там ругаются. Затем дед с гостями

зашел ко мне в комнату.

– Твоя мама хочет, чтоб ты жил с ней, – произнес он грустно.

– А ты? – спросил я.

– Останусь здесь.

– Не хочу! – сказал я.

– Я – тоже, – вздохнул дед, – но у меня нет на тебя прав. Муж твоей матери усыновил тебя.

– Без тебя не поеду! – сказал я. – А если увезут – убегу!

– Слышали? – спросил дед гостей.

Те о чем-то переговорили, и один из них кивнул. Мы собрали вещи и полетели в Брюссель. Там меня поселили в большой комнате, деда – в соседней. Я пошел в школу. Там были другие учителя и дети, и они говорили на другом языке. Его следовало выучить. Дед помог мне. Вскоре мы стали понимать окружающих, и жизнь наладилась.

На каникулах мы с дедом улетали в Белоруссию. Наш старый и маленький дом нравился мне больше, чем дворец отчима. Здесь было уютно и тепло. Неподалеку протекала река. Мы ловили в ней окуньков, и дед учил меня варить уху. Он меня многому научил. Благодаря ему, я не забыл, кто я. В шестнадцать дед отвел меня в посольство, где мне вручили паспорт гражданина России.

– Империя не убежит! – сказал дед по этому поводу. – А случись что, у тебя будет Родина.

Окончив школу, я поступил в Московскую военную академию. Дед отсоветовал мне идти в имперскую.

– Чему эти могут научить? – проронил дед презрительно. – Они сто лет не воевали!

В академии если и удивились моему заявлению, то не показали виду. Как гражданин России и сын погибшего российского офицера я имел право учиться в Москве. Единственное, что мне посоветовали, так это не говорить о родственниках в Брюсселе. Я и сам этого не хотел. Для однокурсников я был сиротой, которого воспитал дед.

...Я учился на пятом курсе, когда дед умер. По его завещанию, гроб с телом отвезли в Россию, где похоронили рядом с женой. В тот день из моей жизни ушло что-то очень важное. Счастье, наверное...

Глава 6

Тибби прибежал, когда я умывался.

– Мастер Айвен! – закричал с порога. – Наш дом забирают! Скорей! Пожалуйста!

– Спокойно! – сказал я, бросая полотенце на стол. – Не надо кричать. Говори по существу. Кто забирает?

– Тросканцы!

– Это кто?

– Они деньги занимают.

«Ростовщики!» – понял я.

– Сколько вы задолжали?

– Двадцать силли. Когда отец заболел, понадобились деньги. Доктор Боу брал пять силли за визит.

«Гнида жирная!» – подумал я.

– Мы обязались вернуть долг через полгода, добавив к нему пятую часть. Всего двадцать четыре силли.

«Сорок процентов в пересчете на год. Ничего себе у них ставки!»

– После смерти отца мы продали все, что могли. Копили каждый пенни. Собрали деньги. Но они говорят, что мы должны сорок четыре силли! Мол, пятая часть считалась ежемесячно. Это ложь! Когда мать подписывала заемное письмо, такого не было. Мать отказалась платить. В ответ они пригрозили, что заберут дом.

– Они сейчас у вас?

– Тросканец ушел за приставом. Но у дома остался его слуга.

– Значит, есть время, – заключил я. – Заряди пару пистолетов!

Тибби занялся делом, а я пошел к себе и надел куртку. Ее, максимально учтя пожелания заказчика, сшила мне Иллинн – мать Тибби. В куртке имелись карманы, на плечах – кожаные вставки (это чтоб Мирка ткань не рвала), на локтях – такие же заплатки. Иллинн очень удивилась, но сделала. Мне обновка понравилась, Мирке – тоже. Летом в куртке жарко, но без нее не к лицу. Я же – почтенный человек, а не босяк какой-то. Перепоясавшись, я подцепил к ремню кинжал и кликнул горностаю. Она устроилась на плече, возбужденно чирикающая. Чувствует адреналин... Подойдя к полке, я взял сборник королевских указов. Что-то о ростовщиках в нем встречалось. Я полистал толстые страницы. Вот...

– Готово, мастер!

Тибби протянул мне пистолеты. Я сунул их за пояс, взял книгу под мышку, и мы отправились. Идти было недалеко: дом вдовы располагался почти рядом. У его ворот болтался незнакомый мужчина: невысокий, худощавый и неприметно одетый. При виде нас он подобрался, и я понял, что это не простой слуга. Плавные, заученные движения, деланно расслабленная поза, холодный, оценивающий взгляд. Видели мы таких...

«Слуга» скользнул взглядом по рукояткам моих пистолетов и уставился на Мирку. Присутствие горностайки явно поставило его в тупик. Он не знал, как расценить животное – угроза или блажь? Мирка почувствовала исходящую от «слуги» опасность и зашипела. Я погладил ее, успокаивая, и шагнул в открытую Тибби калитку.

Иллинн мы застали плачущей. Она сидела на лавке, обнимая дочерей. Салли и Нэнси тоже всхлипывали.

– Мастер Айвен! – вскочила Иллинн, увидев нас. – Это обман! Не было такого в заемном письме, я хорошо помню. Они говорят, что заберут дом. Куда ж нам идти? Милостыню просить?

На рано постаревшем, усталом лице Иллинн озерами плескались синие глаза. Некогда вдова сапожника была очень красивой женщиной. Эти глаза унаследовала Нэнси...

– Успокойтесь, почтенная! – сказал я. – Ничего у вас не заберут.

– Мастер! – Иллинн сложила руки на груди. – Если вы поможете... Я для вас...

– Где деньги? – перебил я.

Вдова протянула мешочек. Я высыпал его содержимое на стол и отсчитал двадцать два силли, которые ссыпал обратно. Оставшиеся монеты придвинул Иллинн.

– Заберите!

– Мастер?..

– Давайте условимся, Иллинн! Я ваш поверенный в делах и буду вести переговоры. Вы молчите. Отвечаете только на мои вопросы, причем кратко. Договорились?

Она закивала и прибрала монеты. За дверью раздались шаги. Я повернулся и заложил большие пальцы за пояс. В комнату скользнул уже знакомый «слуга».

Окинув нас взглядом, он отступил в сторону. Вторым вошел плечистый мужчина в зеленом мундире, и лишь затем протиснулся толстяк. На нем был черный шелковый камзол с золотыми позументами. Рожа толстяка напоминала кусок мяса. Красное лицо с двойным подбородком, выпученные глаза и брезгливо отвисшая нижняя губа.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Легенда – совокупность всех надписей на монете.

Купить: https://tellnovel.com/ru/drozdov_anatoliy/zapasnoy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)